

СПРАВОЧНОЕ И УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ СТРАН ЕВРОПЫ

**Свобода выражения мнений,
законодательство о средствах
массовой информации
и диффамации**

MLDI

Media Legal
Defence Initiative

International
Press
Institute

I.P.I.

СПРАВОЧНОЕ И УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ СТРАН ЕВРОПЫ

Свобода выражения мнений, законодательство о средствах массовой информации и диффамации

Media Legal
Defence Initiative

International
Press
Institute

Октябрь 2016 г.

Настоящее пособие было подготовлено д-ром Ричардом Карвером (Richard Carver), Университет Оксфорд Брукс (Oxford Brookes University) для цикла семинаров, посвящённых законодательству о диффамации и адресованных юристам и журналистам из стран Европы. Подготовка пособия осуществлялась под эгидой организации «Инициатива юридической защиты журналистов» (Media Legal Defence Initiative) и Международного института прессы (International Press Institute).

Настоящее пособие имеет международную лицензию Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0. Это означает, что материалы данного пособия можно свободно распространять и адаптировать при условии указания авторов, наличия ссылки на лицензию и информации об изменении первоначального произведения. Любое распространение и адаптация осуществляются исключительно в некоммерческих целях, при этом итоговое произведение размещается в открытом доступе с сохранением условий лицензии первоначального произведения ("share alike"). С полным текстом лицензии можно ознакомиться по ссылке ниже: <http://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/legalcode>.

ISBN: 978-3-9504098-7-1

Настоящее пособие подготовлено при поддержке Европейской комиссии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ: КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ПОСОБИЕМ	5
<i>Определения</i>	6
1. СВОБОДА ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЙ: ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ПРИНЦИПЫ И ИСХОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ	9
<i>Почему важно иметь возможность свободно выражать своё мнение?</i>	10
<i>Свобода выражения мнений и свобода СМИ</i>	12
<i>Ограничение права на свободу выражения мнений</i>	14
2. ДИФФАМАЦИЯ	21
<i>Что такое диффамация?</i>	21
<i>Уголовная ответственность за диффамацию</i>	23
<i>Гражданская ответственность за диффамацию</i>	26
<i>Является ли диффамацией заявление, которое соответствует действительности?</i>	26
<i>Выражение мнения</i>	28
<i>Существует ли право на репутацию?</i>	29
<i>Какой подход наиболее эффективен для разрешения случаев диффамации?</i>	30
3. ДИФФАМАЦИЯ И ПУБЛИЧНОСТЬ	33
<i>Критика должностных лиц</i>	33
<i>Защита свободы политической дискуссии</i>	38
<i>«Парламентская привилегия». Сообщение о высказываниях, сделанных в парламенте</i>	40
<i>Защита права общественных деятелей на частную жизнь</i>	41
<i>Оскорбление общественных институтов</i>	42

<i>Пресса как «общественный страж»</i>	46
<i>Религиозная диффамация</i>	48
4. ТИПЫ ДИФФАМАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ	53
<i>Мнения и факты</i>	53
<i>Юмор</i>	54
<i>Заявления других лиц</i>	57
5. РАССМОТРЕНИЕ ДЕЛ О ДИФФАМАЦИИ В СУДЕ	61
<i>Меры защиты в случае исков о диффамации</i>	61
<i>На кого возлагается бремя доказывания?</i>	62
<i>Защита анонимных источников информации</i>	64
<i>Компенсационные меры. Меры наказания</i>	66
<i>Как международные нормы в области прав человека могут применяться в национальных судах?</i>	69
<i>Прецедентное право других юрисдикций</i>	73
6. КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ПОСОБИЕМ	75
<i>Методика обучения взрослых слушателей</i>	76

ВВЕДЕНИЕ: КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ПОСОБИЕМ

Настоящее пособие было подготовлено для сопровождения обучающего семинара по диффамации, адресованного юристам и журналистам из различных стран Европы. Пособие содержит дополнительную информацию и справочные материалы, которые позволят обучающимся подготовиться к семинару, а его участникам – составить понимание о теме, которой посвящён семинар.

В семинаре будут принимать участие как журналисты и представители средств массовой информации, – для которых семинар будет возможностью ознакомиться с основными принципами законодательства о диффамации, – так и юристы, которые смогут попрактиковаться в разработке стратегии ведения судебного процесса, связанного с диффамацией, на случай подачи соответствующего иска против их клиентов.

В отношении участников-юристов подразумевается, что они являются квалифицированными и компетентными специалистами с опытом ведения судебных процессов (необязательно связанных со СМИ, правом на свободу выражения мнений или правами человека).

Настоящее пособие преследует следующие цели:

- Пособие может использоваться преподавателями при подготовке семинаров, оно содержит материалы, достаточные для проведения двухдневного семинара по европейскому законодательству о диффамации (следует учесть, что пособие не содержит отдельных материалов по каждой стране). Пособие сопровождается учебными планами и материалами для семинаров (презентации Power Point и раздаточный материал).
- Пособие может использоваться участниками для подготовки к семинару. Практический опыт показывает, что обучение взрослых наиболее эффективно, если оно направлено на развитие и практическое закрепление навыков, в отличие от простой передачи знаний. Ознакомление участников семинара с некоторыми основными принципами, изложенными в настоящем пособии, поможет сделать практические занятия более эффективными.

- Участники могут также использовать пособие в качестве справочного руководства по окончании семинара. Пособие содержит рекомендации и материалы по различным случаям из практики, которые помогут лучше понять принципы законодательства о диффамации и подготовиться к ведению судебных дел в будущем.

Определения

Настоящий обучающий семинар посвящён **диффамации**. Диффамация – общий юридический термин, обозначающий необоснованное распространение порочащих сведений, умаляющих репутацию потерпевшего. В некоторых правовых системах диффамация подразделяются на **публичные клеветнические заявления (libel)** и **устную клевету (slander)**. Публичное клеветническое заявление представляет собой диффамационное заявление, распространённое в открытом доступе, как путём публикации, так и в иной форме (например, по одному из каналов вещания). Устная клевета, напротив, представляет собой случай диффамации в частной беседе, не сохранённый в какой-либо форме.

В настоящем пособии мы будем использовать общий термин «диффамация», за исключением случаев упоминания статутов, судебных решений или юрисдикций, использующих другой термин.

В некоторых правовых кодексах можно встретить связанное с диффамацией понятие **«оскорбление»** (широко известна испанская форма этого термина – **desacato**). Под ним понимается «оскорбление» должностных лиц (например, представителей монархии), символов (например, флага или символов власти) или институтов (например, государства или представительных органов). Понятие «оскорбление» не полностью подпадает под общепринятое международное определение защиты репутации, однако многие страны рассматривают его как разновидность диффамации и в связи с этим мы включили это понятие в данное учебное пособие.

В некоторых правовых системах признаются правонарушения, восходящие к двум понятиям римского права, – **iniuria** и **calumnia**, которые также связаны с озвучиванием ложных заявлений.

Существуют правовые системы, в которых встречается понятие **«групповой диффамации»**, особенно в отношении религиозных

групп. Хотя нам представляется, что данное использование понятия «диффамация», как и в случае термина «оскорбление», не является правомерным, поскольку группа лиц не обладает правом на защиту репутацию в той же мере, в какой этим правом обладает отдельно взятое лицо, мы тем не менее затронем это понятие в данном пособии.

Под **«криминализацией диффамации»** подразумевается, что диффамация является уголовно наказуемым преступлением в определённом государстве. В этом случае дело о предполагаемой диффамации, как правило, возбуждается представителем государственного обвинения и рассматривается уголовным судом. По решению суда обвиняемый может быть лишён свободы.

«Гражданская ответственность за диффамацию» означает, что диффамация рассматривается как гражданское правонарушение или деликт. В этом случае факт наличия диффамации устанавливается в гражданском суде, куда потерпевший обращается в личном порядке. Если суд признаёт, что диффамация имела место, он может назначить наказание в форме денежного штрафа или, например, публикации опровержения или извинения. В правовых системах, вводящих уголовное преследование за диффамацию, как правило, также есть возможность рассмотрения дела о диффамации в гражданском суде.

РЕЗЮМЕ:

Диффамация: необоснованное распространение порочащих сведений, умаляющих репутацию потерпевшего

Публичные клеветнические заявления (libel): диффамационное заявление, сделанное в письменном виде либо сохранённое в иной форме

Устная клевета (slander): диффамационное заявление, сделанное в устной форме и не сохранённое в какой-либо форме

Криминализация диффамации: уголовное преследование по обвинению в диффамации

Гражданская ответственность за диффамацию: рассмотрение дела о диффамации в частном порядке для возмещения вреда, причинённого в результате гражданского правонарушения.

1. СВОБОДА ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЙ: ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ПРИНЦИПЫ И ИСХОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Проблема свободы выражения мнений занимает умы уже не первое столетие. Европейские мыслители Нового времени Джон Мильтон и Джон Локк считали противостояние цензуре обязательной составляющей для создания демократического правительства. Самый известный пример в этом отношении – Первая поправка к Конституции Соединённых Штатов Америки, которая говорит о том, что:

«Конгресс не должен издавать ни одного закона, ... ограничивающего свободу слова или печати».

Однако всеобщее признание концепция права на свободу выражения мнений получила лишь с образованием Организации Объединённых Наций и созданием правозащитного режима, закреплённого в международном праве.

Статья 19 Всеобщей декларации прав человека (1948 г.) гласит:

«Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ».¹

Впоследствии это право было закреплено в правовом документе, имеющем обязательную силу для государств-участников, – ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, которая частично повторяет формулировки Всеобщей декларации прав человека, однако также вводит ряд конкретных оснований для ограничения права на свободу выражения мнений.

В Европе юридически обязательное законодательство о защите права на свободу выражения мнений появилось ещё раньше. В 1950 г. была принята Конвенция о защите прав человека и основных свобод (известная также как Европейская конвенция по правам чело-

---

¹ Всеобщая декларация прав человека, 1948 г.

века), вступившая в силу в 1953 году и разработанная под эгидой Совета Европы. К настоящему времени почти все государства на европейском пространстве являются членами Конвенции (исключение составляют государство-город Ватикан, Беларусь и Казахстан).

Право на свободу выражения мнений гарантирует ст. 10 Конвенции, которая гласит:

«Каждый имеет право свободно выражать своё мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий».²

Как и ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 10 Конвенции приводит ряд оснований для ограничения права на свободу выражения мнений.

Почему важно иметь возможность свободно выражать своё мнение?

ОБМЕН ИДЕЯМИ:

Подумайте, почему свобода выражения мнений является важным правом человека. Составьте список причин.

Вероятно, в первую очередь вы подумаете о том, что свобода выражения мнений является *индивидуальным* правом (см. текст ст. 19 Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта о гражданских и политических правах, а также ст. 10 Европейской конвенции по правам человека). Однако довольно быстро в вашем списке появятся случаи, свидетельствующие о том, что свобода выражения мнений также представляет ценность для всего общества. В частности, это право считается основополагающим для обеспечения функционирования демократии в целом. Право на свободу

---

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Серия сборников договоров Организации Объединённых Наций, том 213, стр. 222.

выражения мнений обеспечивает свободное распространение идей и помогает призвать органы власти к ответу. Об этом неоднократно заявлял Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ):

«Свобода выражения мнения является одной из фундаментальных основ [демократического] общества и одним из основных условий его развития и самосовершенствования каждой личности. Как отмечено в пункте 2 статьи 10, она относится не только к «информации» или «идеям», которые воспринимаются положительно или рассматриваются как безобидные или нейтральные, но также к информации и идеям, которые задевают, шокируют или беспокоят государство или какую-либо часть населения. Таковы требования плюрализма, терпимости и либерализма, без которых не бывает “демократического общества”»».³

Эта формулировка встречается в одном из ранних судебных решений, вынесенных на основании ст. 10 Конвенции, и цитируется слово в слово в более поздних решениях.

Однако преимущества права на свободное выражение мнений распространяются не только на сферу политики. Лауреат Нобелевской премии по экономике Амартия Сен утверждал даже, что страны, в которых есть свободная пресса, не страдают от голода. Вне зависимости от того, насколько справедливо его предположение, свобода выражения мнений – в том числе свобода прессы – является предпосылкой для осуществления прочих прав.

Первое пленарное заседание Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в 1946 г. постановило:

«Свобода информации является основным правом человека и представляет собой критерий всех видов свободы, защите которых Объединенные Нации себя посвятили»».⁴

Свобода информации в данном случае понимается как неотъемлемая часть свободы выражения мнений, а именно свободы «искать, получать и распространять информацию», согласно ст. 19 Всеоб-

---

³ Дело «Хендисайд против Соединённого Королевства» (*Handyside v. United Kingdom*, Judgment of 7 Dec. 1976, Series A no. 24).

⁴ Резолюция Генеральной Ассамблеи 59(I) от 14 декабря 1946 г.

щей декларации прав человека. Подобно тому, как при помощи пробного камня оценивают драгоценный металл, свобода выражения мнений и свобода информации являются показателями соблюдения прав и свобод в общем.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что свобода выражения мнений имеет более высокий статус по сравнению с другими правами, поскольку их осуществление зависит от неё. Данный подход, в частности, широко применяется в Соединённых Штатах Америки. Принцип верховенства права на свободу выражения мнений закреплён в Первой поправке к Конституции и неоднократно подчёркивался в решениях Верховного суда страны. Несмотря на то, что Европейский суд по правам человека в некоторых случаях ориентируется на решения Верховного суда США, этот подход, как правило, не применяется в Европе (а также в законодательстве по правам человека ООН).

Как будет показано ниже, свобода выражения мнений является правом, которое может быть ограничено по ряду причин, – например, для защиты репутации других лиц – или полностью упразднено в случае национального чрезвычайного положения. Это означает, что данное право имеет более низкий статус по сравнению с другими правами, такими как право на свободу вероисповедания или право на свободу от пыток.

Свобода выражения мнений и свобода СМИ

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что средства массовой информации принадлежат особая роль в деле защиты права на свободное выражение мнений. В своих решениях Европейский суд по правам человека неоднократно подчёркивал, что СМИ играют роль своеобразного «общественного стража»:

«Если на [прессе] лежит задача распространения такой информации и идей, то общественность, в свою очередь, имеет право их получать. В противном случае пресса была бы неспособна играть жизненно важную роль “общественного стража”».⁵

---

⁵ Дело «Торгерсон против Исландии» (*Thorgeirson v. Iceland*, Judgment of 25 June 1992, Series A no. 239).

А также:

«Свобода печати даёт общественности непревзойдённый инструмент, позволяющий ей знакомиться со своими политическими лидерами и получать представление об их идеях и позициях. В частности, она позволяет политикам размышлять и высказывать свою точку зрения по вопросам, заботящим общественное мнение, – таким образом, позволяя каждому участвовать в свободной политической дискуссии, которая и составляет основу самого понятия “демократическое общество”».⁶

Это означает, что право на свободу печати не является эксклюзивным и не распространяется только на журналистов. Об этом неоднократно заявлял Европейский суд по правам человека, а также национальные суды в Европе и других регионах мира. Так, Конституционный совет Франции (Conseil constitutionnel) отметил, что данным правом наделены не только составители, редакторы и издатели статей, но также их читатели.⁷

В знаменитом постановлении о свободе прессы Межамериканский суд по правам человека констатировал:

«Когда нарушается право на свободу выражения мнения, ... нарушаются не только права отдельно взятого [журналиста], но и право всех остальных свободно «получать» информацию и идеи».⁸

В ст. 10 Европейской конвенции по правам человека содержится чёткое указание, что право на свободу выражения мнений не исключает возможности осуществлять «лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий». В то же время лицензирование должно рассматриваться как механизм для справедливого обеспечения доступа к материалам СМИ. Европейский суд по правам человека отверг идею о том, что государство имеет право вводить какие-либо предварительные огра-

---

⁶ Дело «Кастеллс против Испании» (*Castells v. Spain*, Judgment of 23 April 1992, Series A no. 236).

⁷ Постановление Конституционного совета № 110 от 29 июля 1986 г.

⁸ «Обязательное членство в ассоциации, предписанное законодательно для практики журналистики» (*Compulsory Membership in an Association Prescribed by Law for the Practice of Journalism*, Advisory Opinion OC-5/85 of 13 Nov. 1985, Series A no. 5, 7 HRLJ 74 (1986), para 30.)

ничения или давать теле- и радиовещательным службам указания относительно допустимости или недопустимости транслируемого материала.

Ограничение права на свободу выражения мнений

Право на свободу выражения мнений не является абсолютным. Согласно общему принципу права в области прав человека, закреплённому в документах ООН и Европейской конвенции по правам человека (ст. 17), права человека не могут осуществляться, если это нарушает права других. Ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах и ст. 10 Европейской конвенции по правам человека устанавливают ряд оснований для ограничения свободы выражения мнений:

«Пользование предусмотренными в пункте 2 настоящей статьи правами налагает особые обязанности и особую ответственность. Оно может быть, следовательно, сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми:

- а) для уважения прав и репутации других лиц;**
- б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка (*ordre public*), здоровья или нравственности населения».** (Международный пакт о гражданских и политических правах)

«Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определёнными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия». (Европейская конвенция по правам человека)

Кроме того, статья 17 Европейской конвенции по правам человека запрещает злоупотребление правами. Текст статьи гласит, что никто не вправе использовать никакие предоставленные Конвенцией права для совершения действий, направленных на упразднение или ограничение прав и свобод, признанных Конвенцией. Статья пока что не использовалась для случаев диффамации, однако она применялась для решения других вопросов, связанных со свободой выражения мнений, – в частности, по вопросу об отрицании Холокоста.

ПОДВОДЯ ИТОГИ:

В Европе свобода выражения мнений может быть ограничена по одной из следующих причин:

- Защита прав или репутации других лиц;
- Интересы национальной безопасности;
- Охрана общественного порядка и общественного благосостояния (*ordre public*);
- Охрана здоровья или нравственности населения;
- Территориальная целостность или общественный порядок;
- Предотвращение разглашения информации, полученной конфиденциально;
- Обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия.

Безусловно, это весьма содержательный список. Журналистам или защитникам прав и свобод прессы он может даже показаться устрашающим.

Следует помнить, однако, что ограничение свободы выражения мнения (как и любых других прав человека) не является своеобразным «карт-бланшем» для диктаторов. Правительство не может сослаться на «национальную безопасность» или другое из возможных оснований для ограничения и затем беспрепятственно нарушать права человека.

Существует установленная процедура для определения того, может ли быть ограничено право на свободу выражения мнения (или любые другие права человека).

В соответствии с рекомендациями Европейского суда по правам человека процедура предусматривает использование тройственного критерия:

1. Любое ограничение какого-либо права должно быть предписано законом.
2. Ограничение преследует законную цель, указанную в международных документах по правам человека
3. Введение ограничения должно быть *обязательным* для достижения означенной цели.

Рассмотрим каждый из этих критериев подробнее.

Критерий 1. Ограничение предписано законом

Данное положение – не что иное, как выражение *принципа законности*, на котором основывается концепция верховенства права. Закон должен быть чётко сформулирован и не иметь обратной силы. Предшествующими нормативно-правовыми актами должно быть недвусмысленно установлено, что свобода выражения мнения может быть ограничена (например, в целях защиты прав и репутации других лиц).

Европейский суд по правам человека занимает следующую позицию по этому вопросу: для введения ограничения в качестве закона оно должно быть доведено до сведения общественности и «сформулировано с достаточной степенью чёткости, чтобы дать индивиду возможность регулировать в соответствии с ним своё поведение».⁹

Комитет по правам человека (договорной орган, контролирующий соблюдение Международного пакта о гражданских и политических правах) отмечает также, что любой закон, ограничивающий свободу выражения мнения, должен не только соответствовать требованиям ст. 19, но и быть совместимым с прочими положениями Пакта. В частности, это означает, что ограничения не могут носить дискриминационный характер, а за нарушение закона недопустимо назначать меры наказания, несовместимые с Пактом.¹⁰

Что такое закон?

Закон, ограничивающий свободу выражения мнения, должен представлять собой письменный документ. Комитет по правам че-

⁹ Дело «Санди Таймс» (The Sunday Times) против Соединённого Королевства. Постановление от 26 апреля 1979 г., серия А, № 30.

¹⁰ Комитет по правам человека. Замечание общего порядка № 34. «Статья 19: Свобода мнений и их выражения». CCPR/C/GC/34, 12 сентября 2011 г., п. 26.

ловека постановил, что он может включать в себя закон о парламентских привилегиях и закон, предусматривающий меры наказания за неуважение к суду. Учитывая, что ограничение свободы выражения мнения может иметь серьёзные последствия, закрепление какого-либо ограничения в традиционном, религиозном или другом подобном обычном праве несовместимо с Международным пактом о гражданских и политических правах.¹¹

Критерий 2. Ограничение преследует законную цель

Перечень законных целей для ограничения определённого права, указанный в соответствующем документе по правам человека, является исчерпывающим. Так, ст. 10 Европейской конвенции по правам человека называет семь таких целей. Лишь они выступают в качестве допустимых оснований для ограничения свободы выражения мнения.

Законные ограничения согласно ст. 10, п. 2 Европейской конвенции по правам человека:

- интересы национальной безопасности
- территориальная целостность или общественный порядок
- предотвращение беспорядков или преступлений
- охрана здоровья и нравственности
- защита репутации или прав других лиц
- предотвращение разглашения информации, полученной конфиденциально
- обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия

Критерий 3. Ограничение необходимо в демократическом обществе

Согласно требованиям Международного пакта о гражданских и политических правах, предлагаемое ограничение должно быть «необходимым». Европейская конвенция по правам человека дополняет это требование формулировкой «в демократическом обществе» (которая также встречается во Всеобщей декларации прав человека). Таким образом подчёркивается, что ограничение права является последней

---

¹¹ *Sipos v. Romania*, Uygulama No. 26125/04, 5 Mayıs 2011, Mahkeme Kararı

мерой и обязательно должно быть пропорционально преследуемой законной цели. «Необходимость» представляет собой более строгое требование, нежели «разумность» или «желательность», но это не означает, что ограничение должно быть «строго обязательным».¹² Закон должен быть чётко сформулирован и доступен общественности. «Закон, разрешающий ограничение права на свободу выражения мнения, не должен наделять неограниченными полномочиями по применению данного ограничения лиц, которым поручено осуществление этого ограничения».¹³

Для определения необходимости введения ограничения «в демократическом обществе» Европейский суд по правам человека учитывает интересы общественности. Если ограничение доступа к информации производится в интересах общественности, необходимо продемонстрировать, что распространение этой информации «совершенно точно» повредило бы законной цели, установленной ст. 10 Конвенции.

Важным является также характер предлагаемого ограничения. Верховный суд США отмечает, что любое ограничение свободы выражения мнения должно быть наименьшим из возможных:

«Хотя Правительство преследует законную и важную цель, для достижения этой цели не могут использоваться средства, подавляющие основные индивидуальные свободы, если эта цель может быть достигнута при помощи менее рестриктивных средств».¹⁴

Этого подхода в общих чертах придерживается и Европейский суд по правам человека. Комитет по правам человека констатировал, что ограничения права на свободное выражение мнения «не должны ставить под угрозу само это право».¹⁵

В вопросе оценки законности ограничений Европейский суд по правам человека предоставляет государству «предел свободы оценки». Это означает, что в интерпретации ограничения допускается определённая степень гибкости. Особенно это справедливо для случаев, когда ограничение связано с вопросом, который различным

---

¹² Дело «Хендисайд против Соединённого Королевства», пп. 48-50. Дело «"Санди Таймс" против Соединённого Королевства», п. 62.

¹³ Там же, п. 25.

¹⁴ Дело «Шелтон против Такера», 364; Верховный суд США, 479, 488 (1960 г.).

¹⁵ Комитет по правам человека. Замечание общего порядка № 34, п. 21.

образом трактуется в разных государствах Европы, – например, защита морали. Предел свободы оценки ниже, если цель ограничения носит более объективный характер (например, обеспечение авторитета правосудия).¹⁶

---

¹⁶ Дело «Хендисайд против Соединённого Королевства», п. 48. Дело «Санди Таймс» против Соединённого Королевства», пп. 79-81.

2. ДИФФАМАЦИЯ

Что такое диффамация?

Законы о диффамации восходят к римскому праву. В Римской империи это правонарушение носило название *libellis famosis* и в некоторых случаях наказывалось смертью. В наши дни ответственность за диффамацию носит менее серьезный характер, однако тюремные сроки и крупные суммы компенсаций, назначаемые по делам о диффамации, по-прежнему обладают устрашающим эффектом и по-прежнему являются профессиональным риском, которые несут журналисты.

В большинстве стран диффамация до сих пор входит в число уголовно наказуемых правонарушений, хотя во многих случаях этот вид ответственности за диффамацию не применяется. Диффамацию также часто рассматривают как деликт или гражданское правонарушение.

В трактовке действующих норм в области прав человека диффамацию можно понимать как защиту от «незаконных посягательств» на «честь и репутацию», согласно ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах. Европейский суд по правам человека в последние годы расценивает право на защиту репутации как подпадающее под действие ст. 8 Европейской конвенции (право на уважение частной и семейной жизни).¹⁷ Ст. 19 МПГПП и ст. 10 ЕКПЧ используют одни и те же формулировки – «защита прав и репутации других лиц» (но в разном порядке) – для обозначения законных оснований для ограничения права на свободное выражение мнения.

Кто вправе подать в суд за нанесение ущерба репутации?

Законодательство о диффамации призвано защищать только индивидуальное право на защиту репутации. Из этого следует, что подавать иск о защите репутации может только частное лицо.

Может ли быть подан иск о защите репутации, когда идет речь о:

- Чести флага или символов власти
- Репутации должностного лица (например, монарха, президента)?

¹⁷ Дело «Сипос против Румынии» (*Sipos v. Romania*, Application No. 26125/04, Judgment of 5 May 2011)

- Репутации общественного института (например, армии)?
- Репутации группы лиц (например, представители какой-либо религиозной конфессии?)
- Репутации представителя группы лиц (например, религиозной конфессии), если речь не идёт о диффамации в отношении него как частного лица
- Репутации умершего лица, ставшего объектом диффамации, при наличии его представителя (например, члена семьи)?

В каждом из этих случаев ответ должен быть «Нет». Ни в одном из приведённых примеров речь не идёт о частном лице, на репутацию которого осуществляется посягательство. В наших примерах жертва диффамации либо не является человеком, либо диффамация осуществляется не в отношении частного лица (как в случае монарха или представителя религиозной группы). Наконец, в последнем примере жертва диффамации является умершим лицом и не может подать иск. Следует отметить, что Европейский суд оставляет за родственниками умершего право на инициацию судебного разбирательства:

«... репутация усопшего члена семьи человека может в определённых обстоятельствах влиять на его частную жизнь и личность, и потому подпадать под действие ст. 8 [право на уважение частной и семейной жизни].¹⁸

Тем не менее, тот факт, что иск подаётся не самим опороченным лицом, учитывается при оценке необходимости ограничения права на свободное выражение мнения, предусмотренное ст. 10.¹⁹

Во многих странах, конечно, до сих пор действуют законодательные нормы, которые позволяют каждой из категорий лиц, названных выше, подавать иски о диффамации (либо об оскорблении, религиозной диффамации и пр.). Однако эти нормы не являются законными основаниями для ограничения свободного выражения мнения *с целью защиты права на репутацию*.

Возможно, действительно стоит ограничить, например, ненавистнические высказывания в адрес представителей религиозных кон-

¹⁸ Дело «Путистин против Украины» (*Putistin v. Ukraine*, Application No. 16882/03, Judgment of 21 November 2013, para 33).

¹⁹ Там же, п. 34.

фессий, но подобные случаи не должны рассматриваться в рамках законов о диффамации.

Многие законы о диффамации используются де-юре или де-факто для решения вопросов, которые должны регулироваться другими законами (или вообще не регулироваться на законодательном уровне). В частности, законы о диффамации нередко применяются для борьбы с критиками правительства или должностных лиц.

Уголовная ответственность за диффамацию

Многие законы о диффамации в какой-либо стране восходят к её уголовному законодательству. Это говорит о наличии общественного интереса в возбуждении государством уголовного производства против журналистов или других лиц – что выходит за рамки права частного лица на защиту своей репутации. Уголовная ответственность за диффамацию тесно связана с понятием подстрекательства («подстрекательство и клевета» в системе общего права), которое предусматривает ответственность за критику правительства или государства, которая выражается в высказываниях или в иной форме. В целом, однако, концепция уголовной ответственности за диффамацию считается устаревшим анахронизмом.

Специальный докладчик Организации Объединенных Наций по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение, а также ряд международных и региональных механизмов, давно указывают на то, что «законы об уголовно преследуемой диффамации должны быть заменены законами гражданского права, поскольку последние способны обеспечивать достаточную защиту репутации...»

«Законы об уголовно преследуемой диффамации представляют собой потенциально серьёзную угрозу свободе выражения мнений из-за тех санкций, которыми часто сопровождаются обвинительные акты. Следует иметь в виду, что целый ряд международных органов осудил практику угрозы наложения санкций в форме заключения под стражу как конкретно за диффамационные заявления, так и в более широком плане за мирное выражение своих мнений...»

«Международная судебная практика также поддерживает мнение о том, что правительства и государственные органы как таковые не должны иметь права возбуждать иски в случае диффамации или оскорбления. Например, Комитет по правам человека призвал отменить положение о правонарушении, выражающееся в «диффамации государства». Хотя Европейский суд по правам человека не исключил полностью возможности возбуждения правительствами исков по обвинению в диффамации, он, как представляется, ограничил такие иски ситуациями, угрожающими общественному порядку, тем самым предполагая, что государства не могут возбуждать иски по поводу диффамации просто для того, чтобы защищать свою честь. Ряд национальных судов (например, в Зимбабве, Индии, Соединённом Королевстве, Соединённых Штатах, Южной Африке) также отказал избираемым и прочим государственным органам в возбуждении исков за диффамацию».²⁰

Согласно рекомендации Комитета по правам человека:

«Государствам–участникам следует рассмотреть возможность исключения клеветы из разряда преступлений, но в любом случае уголовное законодательство должно применяться лишь в связи с наиболее серьёзными случаями, а лишение свободы ни при каких условиях не должно считаться адекватной мерой наказания. Государство–участник не должно допускать ситуаций, когда после предъявления лицу обвинения в клевете судебное разбирательство в отношении этого лица не проводится скорейшим образом, поскольку такая практика оказывает сковывающее воздействие, неправомерно ограничивающее осуществление таким лицом или другими лицами права на свободное выражение мнения».²¹

Как отметил Специальный докладчик, Европейский суд по правам человека не исключил полностью возможности возбуждения правительствами исков по обвинению в диффамации. Однако если законы о диффамации остаются в составе уголовного кодекса стра-

---

²⁰ Доклад Специального докладчика ООН по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение г-на Абида Хуссейна от 18 января 2000 г., E/CN.4/2000/63.

²¹ Замечание общего порядка № 34.

ны, должен быть соблюден ряд строгих мер защиты:

- Если диффамация описана в уголовном законодательстве, должны полностью соблюдаться все положения применяемого в уголовной процедуре стандарта доказывания («отсутствие разумных оснований для сомнения»).
- Вынесение уголовного приговора в связи с диффамацией допустимо только в случае если предположительно диффамационные заявления являются ложными, – а также если наличествует субъективная сторона преступления. То есть если заявления делаются в полном знании того, что они не соответствуют действительности, или проявляется безответственное пренебрежение к тому, соответствуют ли они действительности.
- В качестве наказания не могут налагаться тюремное заключение, а также другие меры, которые влекут за собой временное лишение права на свободное выражение мнений или права на занятие журналистикой.
- Уголовное законодательство не должно применяться при наличии альтернативы в гражданском законодательстве.²²

«Каждый случай тюремного заключения работников СМИ является недопустимым препятствием в реализации свободы выражения мнений и приводит к тому, что журналистам, хотя они и действуют на благо общества, угрожает дамоклов меч, а общество в целом страдает от того, что посредством такого давления журналистов заставляют молчать.

Поэтому Ассамблея полагает, что наказание в виде тюремного заключения за диффамацию должно быть незамедлительно отменено. В частности, она призывает государства, в законодательстве которых до сих пор предусмотрено наказание в виде лишения свободы, – хотя норма о лишении свободы на практике не применяется – незамедлительно отменить эти положения с тем, чтобы это не служило, пусть и неправомерно, оправданием для государств, продолжающих применять эту норму, и не приводило к размыванию основополагающих свобод».²³

---

²² См., например, дело «Аморин Жиешташ и Жезус Коста Бордало против Португалии» (Amorim Giestas and Jesus Costa Bordalo v. Portugal, app. No. 37840/10, para. 36.).

²³ Парламентская Ассамблея Совета Европы, резолюция 1577 (2007) «На пути к отмене уголовной ответственности за диффамацию».

Опасность применения уголовных наказаний для случаев диффамации, – а также один из многочисленных аргументов в пользу рассмотрения дел о диффамации исключительно в гражданском порядке – состоит в том, что вовлечение государства в уголовный процесс по делам о предположительно диффамационных заявлениях быстро превращает юридическую процедуру в наказание несогласных. К этому вопросу мы вернёмся позже.

Гражданская ответственность за диффамацию

Существует общее согласие, что для тех, кто считает, что его или её репутации нанесён несправедливый ущерб, должны быть предусмотрены определённые средства правовой защиты в форме гражданского иска. Иск подаётся лицом, которое считает, что его или её репутации был нанесён ущерб.

Однако, несмотря на общее согласие по данному вопросу, в ходе применения диффамационного законодательства возникает ряд противоречий.

Является ли диффамацией заявление, которое соответствует действительности?

Если сформулировать вопрос так, ответ очевиден. Говоря о защите репутации, мы конечно же имеем в виду только репутацию, которая заслужена. Следовательно, заявление, соответствующее действительности, не может являться диффамацией.

Религиозный политик, выступающий в защиту семейных ценностей, уличён во внебрачной связи. Политик не должен иметь возможности подать иск о диффамации и выиграть дело. Верно то, что огласка информации о его внебрачной связи повредит его репутации, однако эта репутация была незаслуженной.

Из этого следует, что доказательство истинности утверждения всегда должно представлять собой абсолютную защиту в случае подачи иска о диффамации.

Европейский суд по правам человека неоднократно выносил решение о том, что распространение истинного заявления не может быть ограничено законодательно для защиты чьей-либо репутации.

Что такое репутация?

Понятие «репутация» не имеет чёткого определения. Это по-своему опасно, поскольку данное понятие может использоваться для ограничения прав человека. Например, как репутация соотносится с публичным имиджем или известностью? Имеет ли общественный деятель больше прав на защиту репутации, чем обычный член общества? Связана ли репутация человека с масштабом его известности? Если ответить «да», то получается, что ущерб для репутации таких людей будет гораздо выше по сравнению с обычными гражданами. Это открывает возможности для злоупотребления законами о диффамации со стороны общественных деятелей.

Наверное, лучше рассматривать понятие «репутации» в контексте сохранения человеческого достоинства. Задачей правозащитного законодательства является защита достоинства человека, вне зависимости от того, является он известным или нет. Это означает, что обычный человек, впервые упомянутый в СМИ в связи с посягательствами на его или её репутацию, в той же мере достоин защиты, как и общественный деятель, о котором пресса сообщает каждый день.

Является ли репутация объективным явлением?

А если утверждение не соответствует действительности? Если оно наносит ущерб чьей-либо репутации, означает ли это автоматически, что оно является диффамационным?

В последние 50 лет всё большее распространение получает тенденция не наказывать авторов обоснованных публикаций, даже если их работы не с абсолютной точностью соответствуют действительности. Термин «обоснованность публикации» означает, что автор предпринял разумные меры для обеспечения достоверности содержания публикации, – а также что публикация была посвящена теме, представляющей интерес для общественности.

Европейский суд по правам человека часто приводит интересы общности в качестве довода против наложения ограничений на свободное выражение мнения при рассмотрении вопроса о том, необходимо ли ограничение «в демократическом обществе». ЕСПЧ часто подчёркивает важную роль средств массовой информации как «общественного стража».

Аргументация ЕСПЧ такова: если от журналистов и редакторов начнут требовать проверки каждого опубликованного утверждения на соответствие строгим юридическим стандартам, это ограничит свободу СМИ и поставит под угрозу их роль «общественного стража». Достаточным будет применение надлежащих профессиональных стандартов, предусматривающих, что для верификации опубликованных материалов предпринимаются разумные усилия. Добросовестные заблуждения журналистов не должны наказываться таким образом, что это ограничивает свободу СМИ.

Выражение мнения

Пока что речь шла о фактических заявлениях, которые потенциально могут быть диффамационными. Но как обстоит дело с выражением мнения?

Европейский суд по правам человека занимает по этому вопросу весьма твёрдую позицию: никто не может быть лишён права на выражение мнений. Ведь мнение представляет собой убеждение журналиста или писателя, основанное на её понимании фактов. Это нечто отличное от самих фактов.

Невзирая на вышесказанное, в странах, в которых действуют законы о «нанесении оскорбления», подобное выражение мнений может быть наказуемым. Так, политический активист, назвавший президента Франции «жалким придурком», был признан виновным в оскорблении. Европейский суд по правам человека постановил, что имело место нарушение права активиста на свободное выражение мнений.

«Следует проводить тщательное различие между фактами и оценочными суждениями. Существование фактов может быть доказано, тогда как истинность оценочных суждений не всегда поддаётся доказыванию. ... В отношении оценочных суждений выполнить это требо-

вание [доказать их истинность] невозможно, и оно нарушает саму свободу выражения мнений...»²⁴

Существует ли право на репутацию?

Ст. 12 Всеобщей декларации прав человека гласит:

«Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств».

Это же положение с сохранением формулировки содержится в ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах (и, таким образом, оно является обязательным для государств-участников Пакта).

Кроме того, ст. 19 Пакта, как мы видели выше, содержит отдельное положение о том, что защита «прав и репутации» других лиц является законным основанием для ограничения права на свободное выражение мнений.

Как мы видели выше, Европейская конвенция по правам человека также ссылается на «репутацию и права» других лиц как на законное основание для введения ограничений.

В последние несколько лет ЕСПЧ рассматривает право на защиту «чести и репутации» как основополагающее право, предусмотренное ст. 8, (как если бы формулировка этой статьи совпадала с текстом ст. 17 Пакта):

«Суд считает, что репутация составляет часть идентичности личности и её психологического здоровья и таким образом относится к «частной жизни» личности, даже если критика выражена в контексте общественной дискуссии. Следовательно, ст. 8 применяется».²⁵

---

²⁵ Дело «Пфайфер против Австрии» (*Pfeifer v. Austria*, Application No. 12556/03, Judgment of 15 November 2007, para 35).

²⁴ Дело «Лингенс против Австрии» (*Lingens v. Austria*, Judgment of 8 July 1986, Series A no. 103)

К настоящему моменту Суд несколько модифицировал этот подход. В деле «А против Норвегии» Суд признал, что ст. 8 непосредственно не предусматривает права на защиту репутации. В этом случае Суд постановил:

«Для применения ст. 8 необходимо, чтобы посягательства на личную честь и репутацию были достаточно серьёзными и препятствовали осуществлению личностью права на уважение частной жизни».²⁶

В деле «Карако против Венгрии» Суд дополнительно подчеркнул это, постановив, что диффамация должна представлять собой «серьёзное вмешательство в частную жизнь личности, подрывающее её право на личную неприкосновенность».²⁷

Какой подход наиболее эффективен для разрешения случаев диффамации?

Если признаётся, что частное лицо пострадало от диффамации, оно имеет безоговорочное право на судебную защиту. Проблема состоит в том, что по делам о диффамации часто назначаются несопоставимые вине уголовные наказания. Именно по этой причине диффамационное законодательство пользуется печальной известностью среди журналистов.

Мы уже говорили о том, что тюремные сроки, назначаемые в рамках уголовной ответственности за диффамацию, считаются несопоставимым наказанием с учётом последствий, которые они имеют для осуществления права на свободное выражение мнений. Крупные штрафы, как по гражданским, так и по уголовным делам, также имеют целью скорее наказание автора диффамационного заявления, нежели возмещение ущерба пострадавшему.

Неоправданно высокие штрафы, присуждаемые по делам о диффамации в некоторых юрисдикциях, привели к появлению феномена под названием «клеветнический туризм». Суть его состоит в том, что истцы перед подачей искового заявления ищут юрисдикцию, в которой они могут рассчитывать на максимальный размер компенсации.

---

²⁶ Дело «А. против Норвегии» (*A v. Norway*, Application No. 28070/06, Judgment of 12 November 2009, para 64).

²⁷ Дело «Карако против Венгрии» (*Karako v. Hungary*, Application No. 39311/05, Judgment of 28 April 2009).

Когда это возможно, возмещение по делам о диффамации должно быть нематериальным и направленным непосредственно на устранение ущерба, причинённого диффамационным заявлением. Вполне очевидным способом является публикация извинения или опровержения.

Применение мер для правовой защиты пострадавшего может рассматриваться как «необходимость» – третий пункт тройственного критерия для ограничения свободы выражения мнения. Пропорциональное ограничение – оправданное в случае доказанности диффамации – является наименее рестриктивным способом для восстановления репутации, которой был нанесён ущерб.

Штрафные санкции – выплата компенсации – применяются, таким образом, только в том случае, когда другие, менее строгие меры недостаточны для устранения причинённого вреда. Компенсация за причинённый вред (так называемый материальный ущерб) должна основываться на свидетельстве того, что причинение вреда действительно имело место.

3. ДИФФАМАЦИЯ И ПУБЛИЧНОСТЬ

Критика должностных лиц

Исторически, диффамационное законодательство обеспечивало должностным лицам более надёжную защиту в сравнении с обычными гражданами. Это достигалось в том числе за счёт использования в судебной практике понятия «оскорбление». Критические высказывания в адрес политика или иного лица, занимающего государственную должность, рассматривались как «оскорбление» этой должности. Во многих странах данная практика предоставления должностным лицам дополнительной защиты действует до сих пор.

Должностные лица также пользуются и другими преимуществами. Например, они могут иметь доступ к средствам государственного бюджета (то есть, деньгам налогоплательщиков) и использовать их для оплаты судебного разбирательства по вопросу о диффамации. По делам о диффамации в отношении должностных лиц могут быть предусмотрены более суровые формы наказаний.

Международная судебная практика, однако, решительно движется в противоположном направлении. Европейский суд по правам человека более двадцати лет неустанно говорит о том, что должностным лицам должна предоставляться *меньшая* степень защиты и на это существует ряд веских оснований:

«Свобода печати даёт общественности непревзойдённый инструмент, позволяющий ей знакомиться со своими политическими лидерами и получать представление об их идеях и позициях. В более широком смысле, свободная политическая дискуссия составляет основу самого понятия демократического общества. ... Пределы допустимой критики в отношении политика как такового соответственно шире, нежели в отношении частного лица. В отличие от последнего первый неизбежно и сознательно подвергает себя пристальному наблюдению за каждым своим словом и действием как со стороны журналистов, так и общественности в целом, вследствие чего политик должен проявлять более значительную степень терпимости».²⁸

²⁸ Дело «Лингенс против Австрии» (*Lingens vs. Austria*).

Начиная с дела «Лингенс против Австрии» 1986 года, данная логика использовалась в ряде других судебных решений:

- свободная политическая дискуссия является главной и неотъемлемой составляющей демократического общества;
- пределы допустимой критики в отношении политика должны быть шире, нежели в отношении частного лица;
- политик сознательно берёт на себя публичную роль и, следовательно, должен быть более терпимым к критике.

[Политик] неизбежно и сознательно подвергает себя пристальному наблюдению за каждым своим словом и действием как со стороны журналистов, так и общественности в целом, вследствие чего он должен проявлять более значительную степень терпимости, особенно что касается сделанных им публичных заявлений, которые способны вызвать критику.²⁹

Принцип о том, что пороговое ограничение в части предоставления доказательств по предположительно диффамационным заявлениям должно быть более высоким для должностных лиц, восходит к решению Верховного суда США. В решении по знаменитому делу «Нью-Йорк таймс» против Салливана» суд заключил:

«Для обращения в суд в связи с заявлением о диффамации должностные лица обязаны доказать, что предположительно диффамационное заявление является ложным, а также сделано со злым умыслом и это подтверждается фактическими обстоятельствами, – то есть, что ответчик опубликовал несоответствующую действительности информацию со знанием того, что распространяемые утверждения ложны или с явным пренебрежением к тому, лживы они или правдивы».

Суд подверг критике концепцию возложения на ответчиков по делам о диффамации обязанности доказывания истинности их заявлений в адрес должностных лиц:

«В этом случае потенциальные критики деятельности государства могут не осмелиться озвучить свои критиче-

²⁹ Дело «Обершлик против Австрии» (*Oberschlick v. Austria*, Judgment of 23 May 1991, Series A no. 204)

ские замечания, даже если они считаются соответствующими действительности и действительно являются таковыми, по причине сомнений в том, возможно ли будет доказать это в суде, или опасений относительно финансового бремени, связанного с таким доказательством. Тогда они, как правило, ограничиваются заявлениями, которые точно нельзя принять за незаконные. Применение подобного правила снижает оживлённость общественной дискуссии и ограничивает её разнообразие».³⁰

В более позднем деле Верховный суд распространил действие решения по делу «"Нью-Йорк таймс" против Салливана» на всех «должностных лиц» – на том основании, что должностные лица имеют доступ к средствам массовой информации для опровержения ложных высказываний.³¹

ВОПРОС ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

Правда ли, что все общественные деятели «добровольно подвергают себя риску» ложных диффамационных заявлений? Если Вы выбрали для себя профессию актёра – или даже известного юриста, – является ли это своеобразной «индульгенцией» на подобные замечания в Ваш адрес? Каковы аргументы «за» и «против»?

Аргументация по делу «"Нью-Йорк таймс" против Салливана» – не являясь, очевидно, обязательной для соблюдения нигде, помимо США, – тем не менее повлияла на более поздние решения по делам о диффамации, причём не только в странах, где действуют системы общего права (Англии, Индии, Южной Африке), но и на Филиппинах и в Европе. Доводы судов США о возложении бремени доказывания на истца, как правило, не были признаны, – однако получил признание довод о более широких пределах критики в отношении общественных деятелей.

Хотя стандарт в отношении доказательства наличия «злого умысла» несколько иной, он тесно связан со «стандартом разумности» публикации, о котором мы говорили выше.

³⁰ Дело «"Нью-Йорк таймс" против Салливана» (*New York Times v. Sullivan*, 376 US 254 (1964)).

³¹ Дело «Герц против Роберт Уэлч Инкорпорейтед» (*Gertz v. Robert Welch Inc*, 418 US 323 (1974)).

Европейский суд по правам человека продолжает испытывать влияние законодательства США в части свободы слова, но проявляет с ним солидарность далеко не во всех решениях. Однозначный консенсус прослеживается в вопросе расширения пределов критики не только в отношении должностных лиц и политиков, но также и государства:

«Пределы допустимой критики в отношении правительства шире, чем в отношении частного лица или даже политика. В демократической системе действия или упушения правительства должны быть предметом пристального внимания не только законодательных и судебных органов, но также прессы и общественного мнения. Более того, поскольку правительство занимает доминирующее положение, необходимо, чтобы оно проявляло сдержанность, когда встаёт вопрос об уголовном преследовании за критические высказывания, особенно если имеются другие средства ответа на неоправданные нападки его противников или средств массовой информации».³²

Хотя Европейский суд по правам человека пока не предпринял такого шага, «разумной» является позиция, что правительства как субъекты права не должны иметь возможности подавать иски о диффамации. Являясь институтом, а не частным лицом, правительство не имеет права на репутацию. В решении по делу «Романенко против России» ЕСПЧ отметил, что есть существенные основания для введения подобного правила, однако соответствующего постановления Судом вынесено не было.³³

По известному делу Совета графства Дербишир против газеты «Таймс» Палата лордов постановила:

«Обеспечение открытости демократически избранного правительственного органа, как и любого правительственного органа, для свободной публичной критики имеет крайне высокую общественную значимость. Угроза административного иска о диффамации неизбежно будет подавлять свободу слова... Так называемое «сдер-

---

³² Дело «Кастеллс против Испании» (*Castells v. Spain*, Judgment of 23 April 1992, Series A no. 236.)

³³ Дело «Романенко и другие против Российской Федерации» (*Romanenko v. Russia*, Application No. 11751/03, Judgment of 8 October 2009).

живающее влияние» в результате угрозы административного иска о клевете играет важную роль. Часто известно, что факты, обосновывающие диффамационную публикацию, являются достоверными, однако отсутствуют приемлемые доказательства, которые могли бы подтвердить их подлинность. Это может препятствовать публикации информации, которую важно обнародовать».³⁴

Европейский суд по правам человека признал за коммерческими компаниями право подавать иски о диффамации. В деле «Джерусалем против Австрии» две австрийские ассоциации подали иск о диффамации против советника местного правительства за то, что она назвала их «сектами». Однако Суд постановил, что имело место нарушение прав советника, предусмотренных ст. 10:

«В данном случае Суд считает, что IPM и VPM являются ассоциациями, активными в общественно значимой области, а именно в области политики в отношении оборота и потребления наркотиков. Они участвовали в общественных дискуссиях по этому вопросу и, как признало правительство, сотрудничали с политической партией. Поскольку ассоциации таким образом проявили активность в общественно значимой сфере, они должны были выказать бóльшую степень терпимости к критике при обсуждении оппонентами задач их организаций, а также к средствам, использованным в ходе той дискуссии».³⁵

ВОПРОС ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ:

В известном деле «МакЛайбел» сеть ресторанов быстрого питания «Макдональдс» подала иск о клевете против двух британских защитников окружающей среды за распространение брошюры с критикой политики компании в отношении закупок мяса. Активисты продолжительное время не имели юридического представительства, поскольку бесплатная юридическая помощь не предоставляется по делам о клевете. Дело «МакЛайбел» в итоге стало самым продолжительным делом о клевете в юридической истории Великобритании.

³⁴ Дело «Совет графства Дербишир против "Таймс ньюспейперс Лтд"» (*Derbyshire County Council v. Times Newspapers Ltd*, [1992] 3 All ER 65 (CA), affirmed [1993] 2 WLR 449).

³⁵ Дело «Джерусалем против Австрии» (*Jerusalem vs. Austria*, Application No. 26958/95, Judgment of 27 February 2001).

Компания «Макдональдс» выиграла дело, и активисты обратились в Европейский суд по правам человека. Суд постановил, что за недостатком процессуальной справедливости и ввиду завышения требований о возмещении убытков имело место нарушение ст. 10. Между сторонами также не было «равенства состязательных возможностей».³⁶

Однако должны ли корпорации в принципе иметь право подавать иски о диффамации? Каким образом компания «Макдональдс» может обладать правом на защиту «репутации» в той же мере, как и частное лицо?

Защита свободы политической дискуссии

Аргументация по делу «Джерусалем против Австрии» затрагивает более широкий вопрос, часто упоминаемый в решениях ЕСПЧ по делам о применении ст. 10: важность свободной политической дискуссии. Выше мы говорили о том, что свобода выражения мнений важна не только как право конкретного человека, но и поскольку свободный обмен информацией имеет ряд социальных преимуществ.

«Свободная политическая дискуссия составляет основу самого понятия демократического общества», – так заключил суд в решении по известному делу о применении ст. 10.³⁷ В более позднем своём решении суд пояснил:

«Суд подчёркивает, что поощрение свободной политической дискуссии является очень важной составляющей демократического общества. Суд придаёт наибольшее значение свободе выражения мнений в контексте политической дискуссии и считает, что для оправдания ограничений на выступления по политическим вопросам требуется наличие очень весомых причин, поскольку широкие ограничения, используемые в отдельных случаях, несомненно, повлияют на соблюдение свободы выражения мнения в целом в соответствующем государстве».³⁸

³⁶ Дело «Стил и Моррис против Соединённого Королевства» (*Steel and Morris vs. United Kingdom*, Application No. 68416/01, Judgment of 15 February 2005).

³⁷ Дело «Лингенс против Австрии» (*Lingens vs Austria*).

³⁸ Дело «Фельдек против Словакии» (*Feldek vs. Slovakia*, Application No. 29032/95, Judgment of 12 July 2001).

Данный принцип рассматривается как настолько фундаментальный, что встречается в решениях высших судов Европы и других регионов. На важность свободной политической дискуссии указывает, например, Конституционный суд Испании:

«Статья 20 Конституции [о свободе выражения мнений] ... гарантирует свободное политическое общение, без которого другие права, гарантированные Конституцией, стали бы бессодержательными, представительные органы превратились бы в пустоту, а принцип демократической легитимности ... который является основой нашего юридического и политического устройства, стал бы целиком и полностью ложным».³⁹

Истинная демократия может процветать лишь в условиях свободного пространства, где царят идеологические и философские доктрины – политические, экономические, социальные, – состоящие между собой в идейном плане, и важная роль в этом принадлежит прессе. День, когда такое пространство исчезнет, будет предвестником конца демократии.⁴⁰

Свобода слова и свобода выражения мнений заключается преимущественным образом не только в свободе гражданина говорить и писать то, что он хочет, но также в свободе общественности слушать и читать то, что ей требуется. ... Базовый постулат демократического общества состоит в том, что власть правительства основывается на согласии управляемых. А согласие управляемых, в свою очередь, должно быть свободным и базироваться на адекватной информации и дискуссии, которой способствует максимально широкое распространение информации из разнообразных и противоположных по духу источников...

... Необходимо обеспечить беспрепятственную публикацию новостных сообщений и высказываний, а также мнений политических партий, содержащих критику в адрес правительства и ука-

³⁹ Дело «Вос де Эспанья» (*Voz de España case*, STC of June 81, *Boletín de Jurisprudencia Constitucional* 2, 128, para. 3).

⁴⁰ Бомбейский высокий суд, дело «Бинод Рао против М.Р. Масани» (*Bombay High Court, Binod Rao v. M R Masani* (1976) 78 Bom. LR 125).

зывающих на его недостатки. Нельзя позволять правительству властвовать над общественным мнением.⁴¹

«Парламентская привилегия». Сообщение о высказываниях, сделанных в парламент

Почти во всех правовых системах существует понятие «привилегии» в отношении заявлений, сделанных в правовом контексте либо в схожих обстоятельствах (например, в региональном парламенте или совете местного самоуправления). Целью, очевидно, является защита свободы политической дискуссии.

Данная привилегия распространяется на сообщения о высказываниях, сделанных в парламенте (или других органах, для которых действует эта привилегия). Общий принцип таков: за диффамационное высказывание, сделанное в парламенте, нельзя привлечь к ответственности ни члена парламента, ни журналиста, сообщившего об этом высказывании.

Европейский суд по правам человека в целом занимает твёрдую позицию в отношении предоставления так называемой «парламентской привилегии» в делах о диффамации. В Великобритании членом парламента был сделан ряд критических замечаний в адрес одной из избирательниц, проживавших в его округе. При этом член парламента указал её имя и адрес, после чего ей стали поступать письма с угрозами, а местная пресса подвергла её суровой критике. Суд отказался признать, что имело место нарушение прав заявительницы согласно ст. 6, п. 1 (право на рассмотрение гражданского иска судьёй), поскольку защита парламентской привилегии «необходима в демократическом обществе».⁴²

«В свете вышеизложенного Суд полагает, что предоставление парламентского иммунитета, которое соответствует нормам, общепризнанным в подписавших государствах, Совете Европы и Европейском союзе, и отражает

⁴¹ Дело «Джозеф Перера и Орс против Генерального прокурора» (*M Joseph Perera & Ors v. Attorney-General*, App. Nos. 107-109/86, (SC) Judgment of 25 May 1987).

⁴² Дело «А. против Соединённого Королевства» (*A vs. United Kingdom*, Application No. 35373/97, Judgment of 17 December 2002).

эти нормы, не может в принципе считаться устанавливающим непропорциональные ограничения в осуществлении права на разбирательство дела судом, предусмотренного ст. 6, п. 1».⁴³

В деле «Джерусалем против Австрии» Суд счёл, что заявитель обладает привилегией, несмотря на то, что предположительно диффамационные заявления были сделаны на заседании Венского муниципального совета, а не в парламенте. Суд обосновал своё решение следующим образом:

«В этом отношении Суд напоминает, что если свобода выражения мнения важна для всех людей, она особенно важна для их избранных представителей. Он или она представляет электорат, привлекает внимание к его приоритетным проблемам и защищает его интересы. Соответственно, вмешательства в осуществление права на свободу выражения мнения со стороны оппозиционного члена парламента, каким является заявительница, требуют самого пристального внимания со стороны Суда».⁴⁴

Защита права общественных деятелей на частную жизнь

Защита права общественных деятелей на частную жизнь в некоторых случаях используется в качестве аргумента для ограничения деятельности СМИ. Хотя частная жизнь – не то же самое, что репутация, на практике эти два понятия иногда смешиваются.

Защита права на частную жизнь гарантируется ст. 8 Европейской конвенции по правам человека – и, таким образом, подпадает под «защиту прав и репутации других лиц».

Мы видели, что Европейский суд по правам человека неоднократно подчёркивал: пределы допустимой критики в отношении общественных деятелей должны быть шире, чем в отношении обычных граждан. Мы также задавали вопрос о том, кого считать общественным деятелем. Безусловно, под это определение подпадают поли-

---

⁴³ Там же, п. 83

⁴⁴ Дело «Джерусалем против Австрии» (*Jerusalem vs. Austria*, para 36).

тики. Но включает ли оно, например, членов семей политиков? Или других лиц, с которыми политики взаимодействуют в частной жизни (например, в рамках внебрачной связи)?

В Европейском суде по правам человека рассматривалось дело австрийской компании-издателя, опубликовавшей статью о финансовом положении местного политика. В статье утверждалось, что некоторая часть доходов политика была получена нечестным путём. Статья сопровождалась фотографией политика. Национальные суды постановили, что данное лицо является членом парламента, но не пользуется широкой известностью, поэтому издание нарушило его право на частную жизнь путём публикации личной фотографии *в контексте критических утверждений*. Для издания было назначено наказание.

Неудивительно, что с учётом предшествовавших решений по аналогичным вопросам Суд постановил, что имело место нарушение прав издания, предусмотренных ст. 10.⁴⁵

Оскорбление общественных институтов

Как на европейском уровне, так и во многих национальных судебных системах прочно утверждён принцип о необходимости защиты свободной политической дискуссии. Тем примечательнее тот факт, что наряду с этим принципом продолжает существовать представление о том, что возможно подвергнуть диффамации должностные лица, символы или институты, а также нанести им оскорбление.

Следует ли рассматривать президента Франции как политика (тогда пределы критики в отношении него будут шире, чем для обычного гражданина) – или как национальный символ и носителя государственной должности (тогда он может претендовать на более высокую степень защиты)? Французский Закон о печати 1881 года обеспечивал защиту президентства как символа.

В 2008 году французский фермер и политический активист Эрве Эон присутствовал при следовании кортежа президента Франции Николя Саркози и размахивал небольшим плакатом с надписью

---

⁴⁵ Дело «Компания «Кроне Ферлаг ГмБХ энд Ко. КГ» против Австрии» (*Krone Verlag GmbH & Co. KG vs. Austria*, Application No. 35373/97, Judgment of 26 February 2002).

“Casse toi pov’con” («Проваливай, жалкий придурок»). Эту фразу до инцидента употребил сам Саркози на сельскохозяйственной выставке, в адрес фермера, который отказался пожать ему руку.

Эону предъявили обвинение по ст. 26 Закона о печати 1881 года. В соответствии с положениями этой статьи у него не было возможности сослаться на достоверность высказывания и использовать это как средство защиты (в отличие от процедуры рассмотрения обычного иска о диффамации). С другой стороны, статья предусматривает установление субъективной стороны преступления (*mens rea*), то есть, того факта, что обвиняемый действовал с недобросовестными намерениями. Эон был признан виновным, ему был назначен штраф с отсрочкой выплаты. После неудачных апелляций в национальных судах дело было передано в Европейский суд по правам человека.

Европейский суд по правам человека вынес решение в пользу Эона. Суд заключил, что «повторение фразы, ранее произнесённой президентом, не было направлено против частной жизни или чести последнего, также нельзя сказать, что оно представляло собой лишь неспровоцированный личный выпад против него. ... Целью заявителя была публичная критика политического характера, направленная на главу государства».⁴⁶

«Суд считает, что применение уголовной ответственности за действия, подобные действиям заявителя в настоящем деле, может оказать сдерживающий эффект на сатирические формы выражения мнения, относящиеся к актуальным темам. Подобные формы выражения мнения могут сами по себе играть очень важную роль в свободной дискуссии по вопросам, представляющим общественный интерес, а такая дискуссия является неотъемлемой составляющей демократического общества...».⁴⁷

К сожалению, в деле «Эон против Франции» Европейский суд по правам человека не принял столь решительных мер, как в предшествовавшем ему деле «Коломбани против Франции». В нём рассматривалось положение Закона о печати, предусматривавшее уголовное наказание за оскорбление главы иностранного государства. Жур-

---

⁴⁶ Дело «Эон против Франции» (*Eon vs. France*, para 57-58).

⁴⁷ Там же, пп. 60-61.

налиста газеты *Le Monde* обвинили в оскорблении короля Марокко после выхода статьи о торговле наркотиками в этой стране. Статья журналиста была основана на материалах официального отчёта.

Суды Франции очень критично отнеслись к тому, что в статье, опубликованной в *Le Monde*, журналист полностью основывался на данных официального отчёта и не предпринял попытки проверить их достоверность. ЕСПЧ отметил, что данное требование является необоснованным: пресса вправе рассматривать такие документы как достоверные и не обязана проверять истинность каждого приведённого в них высказывания.

Суд заключил, что применение статьи об оскорблении иностранных глав государств:

«... тяготеет к тому, чтобы придать главам государства привилегированный статус в уголовном праве, ограждая их от критики только ввиду их положения или статуса, вне зависимости от степени обоснованности критики. Это означает предоставление главам иностранных государств чрезмерной привилегии, которая несовместима с практикой и современными политическими концепциями. Какой бы очевидной ни была заинтересованность любого государства в поддержании дружеских и доверительных отношений с руководителями других государств, эта привилегия является чрезмерной по отношению к тому, что необходимо для достижения такой цели».⁴⁸

В частично несовпадающем особом мнении по делу «Эон против Франции» судья Пауэр-Форд от Ирландии отметила, что рассмотрение этого дела должно было бы основываться на аналогичной логике. Суд не использовал в данном случае аргументы по делу «Коломбани против Франции», поскольку в нём речь шла о свободе прессы, а в деле «Эон против Франции» этот вопрос не затрагивался. Однако судья Пауэр-Форд указала на то, что в отношении предоставления главам государств неоправданной защиты от активной критики должны действовать аналогичные принципы.⁴⁹

---

⁴⁸ Дело «Коломбани против Франции» (*Colombani vs. France*, Application No. 51279/99, Judgment of 25 June 2002, para 66-68).

⁴⁹ Частично несовпадающее особое мнение судьи Пауэр-Форд по делу «Эон против Франции» (*Eon vs. France*, Judge Power-Forde, partially dissenting opinion).

В другом деле об оскорблении главы государства («Отехи Мондрагон против Испании») Европейский суд по правам человека вынес однозначное решение о том, что государство допустило нарушение ст. 10. Как известно, испанский монарх, будучи главой государства, не является политиком и не выполняет конституционных функций.

Националистически настроенный политик Мондрагон из Страны Басков был обвинён в оскорблении короля Хуана Карлоса в связи с заявлением о том, что монарх возглавляет государство, которое подвергает пыткам баскских националистов и предоставляет иммунитет палачам. Мондрагон был оправдан судом Страны Басков, однако суд более высокой инстанции приговорил его к тюремному заключению сроком на один год, лишив также права выдвигать свою кандидатуру на выборах.

Европейский суд по правам человека, ссылаясь на аргументацию по более раннему делу («Пакдемирли против Турции»)⁵⁰, в решительных терминах постановил в пользу Отехи Мондрагона:

«... тот факт, что король занимает нейтральную позицию в политических дебатах и имеет положение арбитра и символа государства, не должно предоставлять ему защиту от критики в рамках выполнения им своих официальных обязанностей или (как в данном случае) его деятельности в качестве представителя государства, которое он символизирует, особенно со стороны тех, кто законным путём выступает против конституционных структур этого государства, включая его монархический режим. ... тот факт, что король, в соответствии с конституцией Испании, «не несёт ответственности», в особенности уголовной, не должен сам по себе становиться помехой для свободной дискуссии, касающейся его возможной институциональной или даже символической ответственности как главы государства, в рамках уважения его личной репутации».⁵¹

---

⁴⁶ Дело «Пакдемирли против Турции» (*Pakdemirli vs. Turkey*, Application No. 35839/97, Judgment of 22 February 2005).

⁴⁷ Дело «Отехи Мондрагон против Испании» (*Otegi Mondragon vs. Spain*, Application no. 2034/07, Judgment of 15 March 2011, para 56).

Пресса как «общественный страж»

Более двадцати лет назад Европейский суд по правам человека вынес решение, которое стало новым шагом в деле защиты свободной политической дискуссии.

Заявителем по делу являлся исландский писатель Торгер Торгерсон, автор публицистических статей о жестоком обращении полицейских с подозреваемыми. Решениями национальных судов Торгерсон был обвинён в диффамации в адрес служащих полиции Рейкьявика. Когда дело дошло до Европейского суда по правам человека, адвокаты исландского правительства утверждали, в том числе, что это дело отличается от более ранних аналогичных случаев, рассмотренных ЕСПЧ (таких как «Лингенс против Австрии»), поскольку в нём не затрагивается вопрос политической дискуссии, – которая, как Суд отмечал в предшествовавших решениях, заслуживает особой защиты.

Этот аргумент не убедил Суд, и в результате ЕСПЧ своим решением создал новую концепцию, которая затем использовалась при рассмотрении последующих дел. Суд подчеркнул значимую роль прессы как «общественного стража» по важным вопросам, как политического характера, так и представляющим общественный интерес (в случае публикаций Торгерсона):

«Хотя пресса не должна преступать установленных границ, в том числе и для “защиты репутации... других лиц” однако её долг – передавать информацию и идеи по проблемам общественной значимости. Если на [прессе] лежит задача распространения такой информации и идей, то общественность, в свою очередь, имеет право их получать. В противном случае пресса была бы неспособна играть жизненно важную роль “общественного стража”».⁵²

Почти в то же время Суд рассматривал дело о публикации, посвящённой предполагаемому жестокому обращению с животными в норвежском тюленебойном промысле. Статья, вышедшая в газете «Бладет Тромсё», основывалась на неопубликованных материалах

---

⁵² Дело «Торгерсон против Исландии» (*Thorgeirson vs. Iceland*, para 63).

просочившегося в прессу официального отчёта, подготовленного журналистом Оддом Линдбергом. Фигуранты отчёта Линдберга, члены экипажа тюленебойного судна, подали на издание и его редактора судебный иск о диффамации. По данному делу Суд вынес заключение, аналогичное решению по делу Торгерсона:

«Учитывая различные факторы, уменьшающие возможный ущерб репутации промысловой компании, а также общую ситуацию до момента публикации заметки в газете «Бладет Тромсё», Суд считает, что газета имела право разумным образом полагаться на данные официального отчёта Линдберга, не проводя собственного независимого расследования для проверки точности указанных фактов. Суд не находит причин сомневаться в том, что в этом отношении газета действовала добросовестно».⁵³

При рассмотрении вопроса о публикации заявлений, которые рассматривались как порочащие репутацию членов экипажа, аргументация Суда основывалась (как обычно в подобных случаях) на том, насколько ограничения свободного выражения мнений в связи с иском о диффамации «необходимы в демократическом обществе». Таким образом Суд отдал должное тому факту, что дело представляет существенный общественный интерес (что, однако, вовсе не означает одобрения им редакционной политики издания «Бладет Тромсё»).

«Суд должен принять во внимание общую ситуацию, в контексте которой были сделаны оспариваемые заявления. Таким образом, содержание оспариваемых статей нельзя рассматривать отдельно от дискуссии о тюленебойном промысле, которая в то время шла как в городе Тромсё, центре этого промысла в Норвегии, так и в стране в целом. Кроме того, следует отметить, что ст. 10 относится не только к информации или идеям, которые воспринимаются положительно или рассматриваются как безобидные или нейтральные, но также к информации и идеям, которые задевают, шокируют или беспокоят государство в целом или какую-либо часть населения...» .⁵⁴

---

⁵³ Дело «"Бладет Тромсё" и Стенсаас против Норвегии» (*Bladet Tromsø and Stensaas vs. Norway*, Application no. 21980/93, Judgment of 20 May 1999).

⁵⁴ Там же, п. 62

«Представляется, что основной целью рассматриваемых статей было не обвинение конкретных лиц в нарушении правил тюленебойного промысла или в жестоким обращении с животными... Оспариваемые статьи были частью текущей дискуссии по вопросу, который представляет очевидный интерес для местной, национальной и международной общественности, и в ходе данной дискуссии освещались точки зрения широкого круга заинтересованных лиц».⁵⁵

«По фактам данного дела Суд не может установить, что несомненный интерес членов команды в защите своей репутации был достаточным для того, чтобы превзойти общественный интерес в обеспечении открытой дискуссии по проблеме, представляющей интерес для местной, национальной и международной общественности».⁵⁶

Данное дело также примечательно тем, что некоторые судьи (хотя таковых было меньшинство) заявили о своём решительном несогласии с вынесенным вердиктом. По их мнению, подобное решение подаёт плохой пример европейским СМИ, побуждая их к несоблюдению базовых принципов профессиональной этики.

Вопрос для обсуждения:

Что такое «общественный интерес»? Чем отличаются вопросы, представляющие общественный интерес, от вопросов, интересующих общественность? Какие аргументы Вы бы предложили, например, в защиту публикации истории о скандальной частной жизни политика, если этот вопрос представляет общественный интерес?

Религиозная диффамация

Диффамация религий законодательно запрещена во многих европейских государствах. Кроме того, в системе общего права богохульство рассматривается как преступление.

В связи с наличием концепции «пределов признания» Европейский суд по правам человека неохотно выносит обвинительные решения

⁵⁵ Там же, п. 63

⁵⁶ Там же, п. 73

в отношении государств по вопросам богохульства и диффамации религий. Поскольку данный вопрос подпадает под категорию «общественной морали», Суд нередко отказывается изменять решения, принятые на национальном уровне.

«Отсутствие единой европейской концепции относительно требований по защите прав других лиц в связи с нападениями на их религиозные убеждения расширяет пределы признания в договаривающихся государствах по вопросу регулирования свободы выражения мнений, которые затрагивают точки зрения, способные оскорбить личные воззрения в сфере морали или религии...»⁵⁷

Европейский суд по правам человека использует концепцию «пределов признания», которая состоит в предоставлении государствам определённой гибкости в применении Европейской конвенции по правам человека. Например, по вопросам, касающимся защиты свободной политической дискуссии, пределы признания будут очень узкими [допуская меньшую гибкость – прим. перев.], поскольку защита политической дискуссии считается общей ценностью для всех государств, представляющей большую важность. С другой стороны, по вопросам, касающимся «общественной морали», пределы признания будут значительно шире, поскольку данный вопрос по-разному трактуется в различных европейских государствах в зависимости от культурных особенностей.

Однако в ряде последних судебных решений Суд скорее неохотно признавал факт диффамации религий. В деле «Гиниевски против Франции» (публикация писателем критической статьи о римско-католическом учении, которое, по мнению автора, было связано с антисемитизмом и Холокостом). Суд постановил, что вердикт о диффамации религии представляет собой нарушение ст. 10. Несмотря на использование концепции пределов признания, Суд подчеркнул важность либерального применения ст. 10 по вопросам общественной важности (одним из которых, безусловно, является проблема Холокоста).

«Производимый в рассматриваемой статье анализ отрицательных последствий определённого учения внёс вклад в дискуссию о возможных причинах уничтоже-

⁵⁷ Дело «Гиниевски против Франции» (*Giniewski vs. France*, Application no. 64016/00, Judgment of 31 January 2006, para 44).

ния еврейского населения в Европе. Этот вопрос представляет неоспоримый общественный интерес в демократическом обществе. В таких случаях ограничения свободного выражения мнений должны быть строго лимитированы. Хотя вопрос, поднятый в настоящей статье, затрагивает учение римско-католической церкви (то есть, религиозную доктрину), анализ рассматриваемой статьи показывает, что она не содержит нападок на религиозные верования как таковые, а лишь выражает точку зрения заявителя как журналиста и историка. В этой связи Суд считает, что свободная дискуссия о причинах особо тяжких деяний, которые могут быть расценены как преступления против человечества, насущно необходима в демократическом обществе...».⁵⁸

В деле «Клейн против Словакии» заявителем являлся писатель, опубликовавший статью с критикой главы римско-католической церкви в Словакии за его призыв к запрету афиши фильма, а позже и самой кинокартины, исходя из соображений нравственности. Автора статьи признали виновным в «клевете по мотивам национальной, расовой и религиозной вражды», на основании того, что критика главы церкви равносильна диффамации религии как таковой. Европейский суд по правам человека отверг подобную аргументацию, постановив, что имело место нарушение ст. 10:

«Изложенное в резких выражениях негативное мнение заявителя относилось исключительно к лицу, занимающему высокий сан в католической церкви Словакии. Вопреки решениям судов Словакии, Суд не убежден в том, что заявитель своими высказываниями дискредитировал и оскорбил группу населения на основании их принадлежности к католической вере.

[...] Тот факт, что некоторых последователей католической церкви могли оскорбить критические замечания заявителя в адрес архиепископа и, в частности, выраженное им недоумение о том, почему порядочные люди не покидают католическую церковь, возглавляемую архиепископом Я. Соколом, не может повлиять на позицию Суда. Суд принимает довод заявителя о том, что статья не нарушала права верующих исповедовать

---

⁵⁸ Там же, п. 51.

религию и отправлять религиозные обряды, а равно не порочила содержания их веры...»⁵⁹

А приведённые ниже недавние случаи, напротив, контрастируют с более ранними решениями ЕСПЧ. В деле «Институт Отто-Премингер против Австрии» Суд отказался признать, что конфискация фильма, который мог бы оскорбить последователей католической церкви, представляет собой нарушение ст. 10. При реализации гражданами права на свободное выражение мнений на них возлагается

«... обязанность избегать, по мере возможности, выражений, которые беспричинно оскорбительны для других, являются ущемлением их прав и не привносят в общественную дискуссию ничего, что способствовало бы прогрессу в делах человеческих. Поэтому по принципиальным соображениям в некоторых демократических обществах может быть сочтено необходимым подвергать санкциям или предотвращать неподобающие нападки на предметы религиозного культа при обязательном соблюдении требования, что любые «формальности», «условия», «ограничения» или «санкции» будут соразмерны преследуемой правомерной цели».⁶⁰

Аналогичный вывод был сделан Судом и в деле «Уингроу против Соединённого Королевства». Предметом рассмотрения был короткометражный фильм эротического содержания, запрещённый на том основании, что он подпадает под действие уголовной статьи против богохульства.⁶¹

---

⁵⁹ Дело «Клейн против Словакии» (*Klein vs. Slovakia*, Application no. 72208/01, Judgment of 31 October 2006, paras 51-52)

⁶⁰ Дело «Институт Отто-Премингер против Австрии» (*Otto-Preminger-Institut vs. Austria*, Application No. 13470/87, Judgment of 20 September 1994, para 49).

⁶¹ Дело «Уингроу против Соединённого Королевства» (*Wingrove vs. United Kingdom*, Application No. 17419/90, Judgment of 25 November 1996).

4. ТИПЫ ДИФФАМАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ

Мнения и факты

Мы пришли к выводу о том, что в делах о диффамации высказывания, которые соответствуют действительности, должны предоставлять ответчику абсолютную защиту. Например, если я упомяну в письменном источнике, что министр допустил нецелевое расходование средств, меня не могут обвинить в диффамации, если возможно доказать истинность моего утверждения.

Но что если моё предположительно диффамационное заявление является не фактом, который может быть доказан или опровергнут, а мнением? Если я, скажем, назову министра «жалким придурком»?

В случае судебного разбирательства суд явно не будет размышлять над тем, является ли истец «жалким придурком». Истец, наверное, будет утверждать, что я оскорбил его без всякой на то причины. Если дело дойдёт до Европейского суда по правам человека, весьма вероятно, что Суд примет решение в защиту моего права на свободное выражение мнений, а не права истца на защиту репутации. (Суд, возможно, заключит, что, будучи политиком, истец должен быть готов к тому, чтобы спокойно переносить подобного рода оскорбления. Если же, как в случае Саркози, речь будет идти о фразе, использованной самим политиком, судьи могут также в своей сдержанной манере рекомендовать министру отнестись к происшествию с бóльшим юмором.)

По вопросу разграничения между фактами и оценочными суждениями в Европейском суде по правам человека существует издавна сложившаяся практика:

«... следует проводить тщательное различие между фактами и оценочными суждениями. Существование фактов может быть доказано, тогда как истинность оценочных суждений не всегда поддаётся доказыванию. ... В отношении оценочных суждений выполнить это требование [по доказыванию их истинности] невозможно, и оно нарушает саму свободу выражения мнений...»⁶²

⁵³ Дело «Лингенс против Австрии» (*Lingens vs. Austria*, para 46).

Более подробно данная проблема была рассмотрена в уже упомянутом нами деле «Торгерсон против Исландии». В своих статьях исландский журналист Торгер Торгерсон критиковал жестокое обращение полицейских с подозреваемыми, однако факты, на которых он основывался, не были задокументированы им лично, журналист лишь комментировал свидетельства других лиц о жестокости полицейских. Несмотря на то, что информация, на которой основывался Торгерсон, оказалась не полностью достоверной, отчасти она соответствовала действительности. Поскольку данный вопрос представлял существенный общественный интерес, не требовалось установления точной связи между оценочным суждением журналиста и фактами, лежащими в основе его мнения.

Итак, если бы я назвал министра «коррупционером», было бы это диффамационным заявлением? Передо мной в данном случае открыты два пути. Разумеется, я могу доказать фактическую истинность моего утверждения (что министр искажил информацию о своих расходах). Однако при наличии других сообщений о допущенных им нецелевых тратах я могу представить аргумент о том, что моё мнение о коррумпированности министра представляет собой оценочное суждение, имеющее под собой фактическую основу. Таким образом, я буду избавлен от необходимости доказательства истинности моего утверждения.

Юмор

Рисуя оскорбительный плакат, посвященный Николя Саркози, Эрве Эон не задавался целью нанести президенту Франции беспричинное оскорбление. Плакат лишь повторял слова, сказанные самим Саркози. Поскольку эта формулировка была знакома общественности, её повторение носило юмористический характер.

Президент Саркози этой шутки не понял, как и суды Франции. Однако Европейский суд по правам человека в этом случае отдал ей должное.

Удивительно, как часто общественным деятелям изменяет чувство юмора. Одна из австрийских газет опубликовала сатирическую заметку о панике, которая охватила нацию в связи с травмой знаменитого горнолыжника Хермана Майера в дорожной аварии.

Единственным австрийцем, которого, по мнению автора статьи, эта новость не взволновала, был друг и соперник Майера Штефан Эберхартер. Если верить статье, его реакция была следующей: «Отлично, теперь и я хоть что-то выиграю. Надеюсь, подлец упадёт с костылей и сломает и вторую ногу».⁶³

За этим последовала цепь всё более невероятных событий:

- Единственный из австрийцев, Эберхартер не понял, что речь идёт о шутке.
- Он обратился к юристу, который не посоветовал ему успокоиться и жить дальше.
- Вместо этого юрист подал судебный иск о диффамации, и Эберхартер выиграл дело против газеты.
- Апелляционный суд Вены оставил в силе решение суда местной инстанции.

ЕСПЧ вынес по данному делу краткое решение, которое можно резюмировать двумя словами: «Это шутка!»

«Настоящая статья, как явствовало из её заголовков и подписи под фотографией г-на Майера, была написана в ироничном и сатирическом стиле и задумывалась как юмористический комментарий. Тем не менее, статья также имела целью дать критическую оценку по вопросу, представляющему всеобщий интерес, а именно отношению общества к известному спортсмену. Суд не убеждает аргументация местных судов и правительства о том, что для среднестатистического читателя будет неясен сатирический характер текста и, в частности, юмористический тон оспариваемой фразы, которая могла бы принадлежать г-ну Эберхартеру, но которой он на самом деле не говорил».⁶⁴

Суд присудил возмещение всех заявленных убытков и понесенных расходов.

Это далеко не единственный пример того, как истец может подорвать собственную репутацию в деле о диффамации.

---

⁶³ Дело «Никовиц против Австрии» (*Nikowitz vs. Austria*, Application No. 5266/03, Judgment of 22 February 2007, para 6).

⁶⁴ Там же, п. 25.

Европейский суд по правам человека занимает последовательную позицию, которая состоит в расширении пределов допустимой критики для юмористических и сатирических высказываний. В деле «Клейн против Словакии», которое мы рассматривали выше в контексте религиозной диффамации, тот факт, что критика архиепископа католической церкви была высказана в форме замысловатой интеллектуальной шутки, явился существенным аргументом в пользу её автора.

Однако опубликование предположительно диффамационного заявления в сатирическом издании не всегда гарантирует ему надёжную защиту. В одном из дел, поданных против Румынии, политик по фамилии Петрина обратился с иском в ЕСПЧ, утверждая, что его права, предусмотренные ст. 8, были нарушены вследствие ложного заявления о том, что он в эпоху коммунистического режима сотрудничал с печально известной службой государственной безопасности страны (Секуритате). Суд удовлетворил его иск. Тот факт, что публикация состоялась в сатирическом издании, не сыграл никакой роли. Смысл статьи был «ясным и недвусмысленным, и в её содержании не было никакой иронии или юмора».⁶⁵

Расширение пределов допустимой критики распространяется не только на юмористические и сатирические высказывания, но и на другие формы литературного творчества. По двум делам, поданным против Турции (Сехером Караташом и Махмутом Алынаком), Суд постановил, что материалы, которые в иных обстоятельствах могли бы подпадать под основания для ограничения свободы выражения мнений (в данном случае в связи с подстрекательством к насилию), должны быть разрешены в силу их художественного содержания. В деле о прецеденте, якобы порочащем репутацию истца, Суд проявил большую толерантность, так как речь шла о произведении искусства:

«Суд находит, что подобное изображение представляет собой карикатуру на изображаемые лица с использованием элементов сатиры. Суд отмечает, что сатира есть форма художественного выражения и общественного отклика, которая, в силу присущих ей свойств преувеличения и искажения действительности, естественным

---

⁶⁵ Дело «Петрина против Румынии» (“[C]lair et direct, dépourvu de tout élément ironique ou humoristique.” *Petrina vs. Romania*, Application No. 78060/01, Judgment of 14 October 2008, para 44).

образом имеет целью провоцировать и будоражить. Любой случай воспрепятствования праву художника на подобное выражение мнения должен рассматриваться с особым вниманием».⁶⁶

Однако пределы допустимой критики не могут расширяться до бесконечности. В деле «Линдон, Очаковский-Лоренс и Джулай против Франции» Суд признал диффамационным изображение ультраправого французского политика Жана-Мари Ле Пена в романе «Суд над Жаном-Мари Ле Пенем». Следует отметить, однако, что это решение Большой палаты Суда от 2007 года стало основанием для несовпадающего мнения, которое содержало резкую аргументацию и обвинение судей, в вынесении решения отступивших от ранее сложившейся практики Суда.⁶⁷

Заявления других лиц

В какой мере журналист несёт ответственность за заявления, которые были сделаны другим лицом (и потенциально могут быть диффамационными)? Работа большинства журналистов в существенной мере состоит в передаче высказываний других лиц или, в случае теле- и радиовещания, предоставления другим лицам платформы для выступления с интервью или в дискуссиях.

Европейский суд по правам человека рассматривал несколько случаев, когда национальные суды привлекали журналистов к ответственности за заявления, сделанные другими лицами. Это свидетельствует о том, что многие национальные судебные системы по-прежнему склонны возлагать на журналистов ответственность за слова третьих лиц. Тем не менее, аргументация ЕСПЧ по этому вопросу вселяет надежду.

Самое известное дело этого типа не было связано с диффамацией. Датский журналист Йенс Олаф Йерсилд снял документальный телевизионный фильм, в котором фигурировали представители молодёжи, исповедовавшие неонацистские взгляды. В фильме герои

---

⁶⁶ Дело «Ассоциация художников против Австрии» (*Vereinigung Bildender Künstler vs. Austria*, Application No. 68354/01, Judgment of 25 January 2007, para 33).

⁶⁷ Дело «Линдон, Очаковский-Лоренс и Джулай против Франции» (*Lindon, Otchakovsky-Laurens and July vs. France*, Applications Nos. 21279/02 and 36448/02, Judgment of 22 October 2007).

сделали ряд экстремистских и крайне оскорбительных заявлений расистской направленности. После жалоб со стороны общественности Йерсилд и герои его документального фильма предстали перед судом и были осуждены в соответствии с законодательством о противодействии расовой ненависти.

При рассмотрении дела ЕСПЧ сделал замечание о том, что судам не принадлежит право устанавливать для журналистов определённый порядок работы. Это замечание широко использовалось впоследствии:

«... методы объективного и сбалансированного репортажа могут существенно варьироваться, в том числе в зависимости от особенностей того или иного средства массовой информации. Ни данному Суду, ни национальным судам не подобает подменять в этом вопросе своими собственными взглядами суждения прессы относительно того, к какой технике репортажа следует прибегать журналистам».⁶⁸

Сделанные в фильме заявления не просто отражали взгляды Йерсилда, они явно были представлены как часть серьёзной общественной дискуссии по проблеме расизма:

«Взятый в целом, данный телевизионный сюжет объективно не был похож на материал, цель которого состояла в пропаганде расистских идей и взглядов. Напротив, в нём, очевидно, проглядывало стремление при помощи интервью выставить на всеобщее обозрение, проанализировать и объяснить поведение именно этой группы молодых людей, разочарованных и недовольных своим социальным положением, склонных к насилию и уже имеющих судимости. Таким образом, были затронуты специфические аспекты проблемы, которая уже тогда вызывала большую озабоченность общественности».⁶⁹

Поэтому:

«Наказание журналистов за содействие в распространении заявлений, сделанных другим лицом в ходе интервью, могло бы серьёзно помешать средствам массовой информации вносить свой вклад в обсуждение

---

⁶⁸ Дело «Йерсилд против Дании» (*Jersild vs. Denmark*, Application No. 15890/89, Judgment of 23 September 1994, para 31).

⁶⁹ Там же, п. 33.

проблем, представляющих общественный интерес, и не должно применяться, если только речь не идёт об особо серьёзных ситуациях».⁷⁰

В более позднем деле суд предъявил греческому радиоведущему Никитасу Лионаракису обвинение в диффамации и назначил уплату компенсации лицу, которое оскорбил один из гостей радиопередачи, транслировавшейся в прямом эфире. Европейский суд по правам человека постановил, что права Лионаракиса, предусмотренные ст. 10, были нарушены и этому есть несколько подтверждений. Суд обратил особое внимание на то, что ведущий не несёт ответственности за заявления гостя передачи, сделанные в прямом эфире. Суд также повторил аргумент, который упоминается в ряде решений по делам, связанным со средствами массовой информации:

«... требование к журналистам – систематически и формально дистанцироваться от содержания заявления, которое может причинить вред третьим лицам или нанести ущерб их репутации, – несовместимо с ролью прессы, заключающейся в предоставлении информации о текущих событиях, мнениях и идеях».⁷¹

Иными словами, должно приниматься как данность, что журналист не ассоциируется автоматически с мнениями, высказанными другими лицами, и нет необходимости повторять это в отношении каждого сообщаемого мнения или факта.⁷²

---

⁷⁰ Там же, п. 35.

⁷¹ Дело «Лионаракис против Греции» (*Lionarakis vs. Greece*, Application No. 1131/05, Judgment of 5 July 2007).

⁷² См. также дело «Филатенко против Российской Федерации» (*Filatenko vs. Russia*, Application No. 73219/01, Judgment of 6 December 2007).

5. РАССМОТРЕНИЕ ДЕЛ О ДИФФАМАЦИИ В СУДЕ

Меры защиты в случае исков о диффамации

С учётом вышеизложенного ясно, что для исков о диффамации существует ряд возможных мер правовой защиты:

Истинность: Европейский суд по правам человека считает, что истинность утверждения представляет собой абсолютную защиту в случае иска о диффамации. Таким образом, если какой-либо факт соответствует действительности, он не может быть диффамационным.

Обоснованность публикации: В ходе практики Европейского суда по правам человека была разработана следующая концепция: если публикация является *обоснованной*, она может считаться оправданной, даже если она не полностью соответствует действительности. Критерии оценки обоснованности могут быть, например, следующими:

- Журналист предпринял добросовестные усилия для проверки истинности заявления и считал, что оно соответствует действительности.
- Диффамационные заявления содержались в официальном отчёте – а журналист не обязан проверять достоверность всех заявлений, содержащихся в отчёте.
- Тематика представляла общественный интерес.

Мнение: Оспариваемое заявление не являлось утверждением о фактах, а представляло собой выражение мнения. Может ожидать, что заявление должно иметь под собой достаточную фактическую основу, однако доказывать её наличие необязательно.

Сатира: Заявление не носило серьёзный характер, и никакой разумно мыслящий человек не стал бы трактовать его как таковое.

Абсолютная привилегия: Если диффамационное заявление было сделано в парламенте или в ходе судебного разбирательства, оно, как правило, обладает абсолютной привилегией. То есть, в диффамации нельзя обвинить ни первоначального автора заявления, ни средство массовой информации, сообщившее о нём. Данное пра-

вило может применяться и для других законодательных органов, а также институтов, близких по статусу к судебным (например, ведущих работу по расследованию нарушений прав человека).

Квалифицированная привилегия: Европейский суд по правам человека также отмечал, что существует определённая степень защиты для средств массовой информации, сообщающих о заявлениях других типов, даже если на них не распространяется привилегия, предусмотренная для сообщений, которые были сделаны в парламенте или суде. Это может относиться, например, к заявлениям, сделанным на общественных собраниях, документам и прочим материалам, доступным широкой общественности.

Заявления других лиц: Журналисты не могут нести ответственность за заявления других лиц, при условии что они не выражали согласия с такими заявлениями. Это применимо, например, в случае интервью, транслируемых в прямом эфире.

На кого возлагается бремя доказывания?

Если я подаю на Вас в суд, мне нужно доказать мою правоту, чтобы выиграть дело. Верно?

На самом деле, нет. В случае дел о диффамации этот общий принцип, как правило, не работает. Во многих (но не во всех) правовых системах бремя доказывания возлагается не на истца – человека, который утверждает, что он был подвергнут диффамации, – а на ответчика. В любом другом гражданском деле о возмещении вреда, причинённого предполагаемым правонарушением, на потерпевшего автоматически возлагается необходимость доказывания того, что:

- ответчик действительно совершил соответствующее действие (в нашем случае – сделал диффамационное заявление);
- это действие повредило истцу (причинило ущерб его/её репутации).

В делах о диффамации бремя доказывания по второму пункту возлагается, напротив, на противоположную сторону. Если истец может доказать, что ответчик сделал заявление (обычно это не составляет труда), доказывать истинность этого заявления – и, следовательно, тот факт, что оно не является диффамационным, – предстоит уже *ответчику*.

Известным исключением из этого правила являются Соединённые Штаты Америки. В знаменитом деле «"Нью-Йорк таймс" против Салливана», о котором мы уже говорили выше, Верховный суд США скорректировал несправедливую концепцию возложения бремени доказывания на ответчика в делах о клевете, подаваемых должностными лицами. В более позднем деле это новое правило было распространено на всех «должностных лиц».

Разумеется, введение нового правила не освобождает журналистов от обязанности достоверно передавать информацию – ведь подобные вопросы по-прежнему могут дойти до суда, – однако это правило даёт им бóльшую свободу в исследовании вопросов, представляющих общественный интерес.

По этому вопросу наблюдается существенное различие между законодательством о диффамации в Европе и США. В то время как страны Европы, где действует система общего права (Соединённое Королевство, Ирландия, Мальта и Кипр), следуют парадоксальной традиции английского права, страны с системой гражданского права используют подход, восходящий к римскому праву (в системе римского права был принят несколько иной подход, имевший, однако, схожий эффект). Принцип римского права заключается в возложении бремени доказывания на сторону, которая может доказать положительный факт, – поскольку предполагается, что доказывать отрицательный факт сложнее. В случае дела о диффамации это, конечно, означает, что бремя доказывания истинности заявления будет возложено на ответчика.

ДИСКУССИЯ:

Как Вы считаете? Следует ли возложить бремя доказывания в делах о диффамации на противоположную сторону?

Европейский суд по правам человека абсолютно не убедили аргументы о переносе бремени доказывания на другую сторону. Хотя (как обсуждалось выше) на Суд оказали влияние некоторые аспекты правовой практики, вырабатываемой в США в отношении дел о диффамации, Суд категорически не воспринял новое правило, принятое в ходе рассмотрения дела «"Нью-Йорк таймс" против Салливана» и использовавшееся в последующей судебной практике в США.

В деле «Мак-Викар против Соединённого Королевства» от Суда требовалось вынести решение по правилу Салливана, в контексте заявления британского журналиста о том, что от него не должны были требовать доказательства истинности утверждений, что известный спортсмен употребляет запрещённые препараты. Суд заключил:

«Суд полагает, что возложенное на заявителя требование о доказывании, на основе наличия большей вероятности, того факта, что утверждения, сделанные в статье, являются правдивыми по существу, было оправданным ограничением его права на свободное выражение мнений, предусмотренного ст. 10 п. 2 Конвенции».⁷³

Защита анонимных источников информации

Интересно отметить, что в области защиты анонимных источников информации прецедентное право ЕСПЧ также является гораздо более прогрессивным. Одной из проблем, с которой столкнулся Мак-Викар при попытке доказать истинность своих утверждений, было нежелание информаторов давать показания в суде. Безусловно, появляющиеся в СМИ заявления о нарушениях во многих случаях основываются на источниках, анонимность которых гарантирована. Защита анонимных источников информации рассматривается как принцип журналистской этики.

При рассмотрении известного дела о британском журналисте Гудвине, который вопреки судебному приказу отказался назвать источник информации, Европейский суд по правам человека отметил:

«Защита журналистских источников информации является одним из основополагающих условий свободы печати, что нашло отражение в законах и профессиональных кодексах поведения в ряде договаривающихся государств, а также подтверждается в нескольких международных документах о журналистских свободах... При отсутствии подобной защиты источники стали бы опасаться оказывать прессе содействие в информировании общественности по вопросам, представляющим общественный интерес. Это могло бы поставить под угро-

---

⁷³ Дело «Мак-Викар против Соединённого Королевства» (*McVicar vs. United Kingdom*, Application No. 46311/99, Judgment of 7 May 2002, para 87).

зу жизненно важную роль прессы как «общественного стража» и отрицательно сказаться на способности прессы предоставлять точную и надёжную информацию. Принимая во внимание важность защиты журналистских источников для свободы печати в демократическом обществе и то сдерживающее влияние, которое судебный приказ о раскрытии источника информации может оказать на осуществление свободы печати, подобная мера не может считаться совместимой со статьёй 10 Конвенции, если она не оправдывается более важным требованием общественного интереса».

Суд вынес решение в пользу Гудвина, как и в ряде последующих аналогичных дел.

Следует отметить, что требование к журналисту о доказательстве истинности диффамационных заявлений ставит перед ним этическую дилемму, которую журналист может разрешить только путём непредоставления такого доказательства. Конечно же, журналиста не будут *принуждать* к раскрытию источника – но если его не раскрывать, можно проиграть дело о диффамации.

Специальный докладчик по вопросам свободы средств массовой информации Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) выступил с конкретными рекомендациями для судов в случае дачи журналистами показаний в суде:

«От журналистов не может требоваться дача показаний по гражданским или уголовным делам или предоставление информации в качестве свидетеля. Исключение составляют случаи, когда это является абсолютно необходимым, информацию нельзя получить никаким иным образом и нет риска того, что подобное выступление будет представлять угрозу для здоровья или благополучия журналиста в будущем».

Согласно рекомендации Комитета министров Совета Европы:

«В судебном деле против журналиста, возбуждённом на основании утверждения о якобы имевшем место нанесении ущерба чести и репутации какого-либо лица, власти с целью установления истинности или ложности такого утверждения должны рассматривать все свидетельства, которые доступны им в рамках националь-

ного процессуального законодательства, и не могут требовать для этой цели раскрытия журналистом сведений, указывающих на источник информации».⁷⁴

Компенсационные меры. Меры наказания

Одной из причин, по которой дела о диффамации (предусматривающие как уголовную, так и гражданскую ответственность) вызывают такие опасения, являются наказания и штрафы, нередко назначаемые средствам массовой информации. Часто говорят о «сдерживающем влиянии», которое оказывают строгие меры наказания или крупные штрафы. Из выражения «сдерживающее влияние» понятно, что опасения вызывает не только положение журналиста, обвиняемого по конкретному делу, но и тот факт, что диффамационное законодательство может стать фактором, препятствующим активному ведению журналистских расследований.

Как обсуждалось выше, в центре внимания международных органов находятся случаи криминализации диффамации, а также риск тюремного заключения для журналистов в связи с реализацией ими права на профессиональную деятельность и свободное выражение мнений.

Европейский суд по правам человека рассматривал ряд дел о диффамации, в которых для ответчика предусматривалась уголовная ответственность. Хотя, как мы отмечали выше, Суд не выступает за декриминализацию диффамации, он несколько раз комментировал назначенные наказания, как в следующем деле против Румынии:

«В обстоятельствах настоящего дела – которое является классическим примером клеветы в контексте обсуждения вопроса, представляющего собой предмет законного интереса общественности, – не имелось никаких оснований для назначения наказания в виде лишения свободы. Такого рода наказание в силу своей природы неизбежно оказывает сдерживающее влияние, и тот факт, что заявители не отбывали назначенное им наказание, не меняет сделанного вывода, учитывая,

---

⁷⁴ Рекомендация Комитета министров Совета Европы (Council of Europe, Committee of Ministers, Recommendation No. R (2000) 7 of the Committee of Ministers to member states on the right of journalists not to disclose their sources of information, <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=342907&Site=CM>)

что индивидуальные акты помилования, изданные в их отношении, были мерами в рамках дискреционных полномочий президента Румынии. Кроме того, хотя акт помилования освободил осуждённых от отбывания наказания, он не означал погашения их судимости».⁷⁵

В этом случае Суд также весьма критически оценил приказ о годовом запрете на профессию для журналистов, который являлся частью их обвинительного приговора:

«Суд вновь указывает на то, что предварительные ограничения деятельности журналистов требуют пристального контроля Суда и являются оправданными только в исключительных обстоятельствах. ... Суд считает, что ... оно [наказание] было особенно суровым и ни при каких обстоятельствах не могло быть оправдано риском рецидива со стороны заявителей.

... Суд считает, что, запрещая заявителям работать в качестве журналистов, то есть, применяя предупредительную меру общего характера, хотя и ограниченную во времени определённым сроком, суды страны нарушили принцип, согласно которому пресса должна иметь возможность играть роль «общественного стража» в демократическом обществе».⁷⁶

В делах о гражданской ответственности за диффамацию главной причиной «сдерживающего эффекта» являются крупные суммы штрафов, назначаемые средствам массовой информации в пользу истцов, заявляющих о клевете в их адрес. В гражданском деле целью является не наказание ответчика (автора диффамационного заявления), а предоставление компенсации истцу (лицу, которое подверглось диффамации) в связи с любым ущербом или вредом, нанесённым диффамационным заявлением. Следовательно, в составе иска заявитель должен предоставить доказательство, что такой фактический ущерб или вред имел место. Если это не может быть доказано, тогда неясно, почему в таком случае вообще должен уплачиваться штраф. Диффамационное заявление, как правило, может быть скорректировано путём публикации опровержения или извинения.

---

⁷⁵ Дело «Кумпэнэ и Мазере против Румынии» (*Cumpăna and Mazare vs. Romania*, Application no. 33348/96, Judgment of 17 December 2004, para 116.)

⁷⁶ Там же, пп. 118-119.

Проблемы часто возникают при необходимости возмещения нематериального ущерба. Имеются в виду штрафы, уплачиваемые в качестве компенсации за ущерб, который не может быть точно выражен в материальном отношении. Примером является ущерб репутации. При этом суды должны учитывать не только вред, нанесённый репутации, но также потенциальные последствия необходимости выплаты крупной компенсации для ответчика – и, в более широком контексте, для свободы выражения мнений и свободы средств массовой информации в обществе.

Европейский суд по правам человека неоднократно выступал с критикой назначения крупных компенсаций по фактам нематериального ущерба и даже в некоторых случаях признавал, что такое назначение само по себе является нарушением ст. 10. Одним из наиболее известных подобных случаев было дело Толстого-Милославского, автора брошюры, содержащей диффамационные заявления, которого британский суд присяжных, разбиравший дело о клевете, обязал выплатить штраф в размере 1,5 млн. фунтов стерлингов (в 1989 г.). Суд постановил, что сумма компенсации была крайне несопоставима нанесённому ущербу и что таким образом было нарушено право Толстого-Милославского на свободное выражение мнений, – хотя сам факт совершения им клеветы не оспаривался.

В деле «Стил и Моррис против Соединённого Королевства» (так называемом «деле МакЛайбел») Суд заключил, что при установлении размера назначаемой компенсации должны были учитываться ресурсы, которыми располагали ответчики. Хотя сумма, назначенная британским судом, была не очень крупной «по современным стандартам», она была «весьма значительной в сравнении со скромными доходами и ресурсами... заявителей...».⁷⁷

В деле «Филипович против Сербии» Суд сослался на свои решения по делам Толстого-Милославского и Стила и Морриса: присуждаемая компенсация должна быть соразмерна нанесённому моральному ущербу, а также средствам, которыми располагает ответчик. В данном случае, хотя ответчик ошибочно обвинил истца в «хищении», было точно известно, что истец находится под следствием в связи с налоговыми правонарушениями. Следовательно, моральный ущерб

---

⁷⁷ Дело «Стил и Моррис против Соединённого Королевства» (*Steel and Morris vs. United Kingdom*, para 96).

был невелик. Присуждённая судом сумма компенсации, напротив, равнялась заработной плате ответчика за шесть месяцев. Европейский суд по правам человека признал, что такой штраф является несоразмерно высоким и представляет собой нарушение ст. 10.⁷⁸

Следует также отметить, что сам Европейский суд по правам человека очень редко присуждает возмещение нематериального ущерба. Обычно Суд заключает, что если был сделан вывод о нарушении права, это является достаточным. Можно только посоветовать национальным судам применять этот принцип в тех случаях, в которых это возможно.

Как международные нормы в области прав человека могут применяться в национальных судах?

В данном пособии рассматриваются в основном стандарты защиты права на свободное выражение мнений, закреплённые в международных и национальных нормах в области защиты прав человека. Однако каким образом данные стандарты могут применяться на национальном уровне? Станет ли гражданский или уголовный суд игнорировать любые аргументы, основанные на этих стандартах?

Все европейские государства, лишь за несколькими исключениями, являются участниками Европейской конвенции по правам человека. Это означает, что они обязаны соблюдать положения ст. 10, обеспечивать защиту, которую она предусматривает, и следовать установленным в ней строгим критериям для введения ограничений.

Ещё большее число европейских государств являются участниками Международного пакта о гражданских и политических правах, что также создаёт для каждого из них обязательства по исполнению положений, закреплённых в Пакте.

Органом, осуществляющим надзор за соблюдением государствами Международного пакта о гражданских и политических правах, является Комитет по правам человека, объединение независимых экспертов, предоставляющих консультации в области толко-

---

⁷⁸ Дело «Филипович против Сербии» (*Filipovic vs. Serbia*, Application no. 27935/05, Judgment of 20 November 2007).

вания и применения Пакта. Периодически Комитет также анализирует прогресс, достигнутый каждым из государств-участников в выполнении обязательств, предусмотренных Пактом. Если же государство-участник ратифицировало первый Факультативный протокол к Пакту, Комитет может рассматривать жалобы от частных лиц, утверждающих, что их права были нарушены, если при этом все средства внутренней правовой защиты были исчерпаны.

Согласно требованиям Пакта:

«Если это уже не предусмотрено существующими законодательными или другими мерами, каждое участвующее в настоящем Пакте Государство обязуется принять необходимые меры в соответствии со своими конституционными процедурами и положениями настоящего Пакта для принятия таких законодательных или других мер, которые могут оказаться необходимыми для осуществления прав, признаваемых в настоящем Пакте».⁷⁹

Однако обязательства по международному праву совсем по-разному исполняются в различных государствах.

В теории государства принято делить на две категории: страны с *монистической* системой и страны с *дуалистической* системой.

В странах с *монистической* системой международное право автоматически включается в правовую систему страны. Это означает, что на обязательства государства по договору можно ссылаться в национальных судах (например, при рассмотрении дела о диффамации).

В странах с *дуалистической* системой обязательства по международным договорам становятся частью правовой системы страны только после принятия соответствующего закона законодательным органом страны. До этого момента нельзя ожидать, что национальные суды будут выполнять данные обязательства при рассмотрении дела.

Страны с системой общего права (Соединённое Королевство, Республика Ирландия, Кипр, Мальта и пр.) всегда относятся к дуалистиче-

---

⁷⁹ «Международный пакт о гражданских и политических правах», ст.2, п.2 (ICCPR, Art 2(2)).

ским. Дуалистическими являются и социалистические государства. Для стран с системой гражданского права выше вероятность наличия монистической системы, однако многие из них таковыми не являются (например, скандинавские государства). Все посткоммунистические государства Центральной и Восточной Европы, ранее имевшие дуалистическую систему, теперь имеют монистическую.

Это положение дел в теории. На практике всё несколько сложнее.

В государствах с монистической системой ратифицированные договоры автоматически включаются в правовую систему страны, однако их конкретный статус может быть различным. Что выше по статусу: ратифицированные договоры или конституция страны – или их статусы равноценны? Что выше по статусу: ратифицированные договоры или национальное законодательство страны – или их статусы равноценны? Положение дел варьируется от страны к стране.

В государствах с дуалистической системой некоторые части международного права могут применяться автоматически. Например, в Соединённом Королевстве и США можно непосредственно ссылаться на обычное международное право, при условии что оно не входит в противоречие с внутренним статусным правом. В Конституции США также говорится о том, что «все договоры, которые заключены или будут заключены властью Соединённых Штатов, становятся верховным правом страны». На практике, однако, Верховный суд часто находил, что многие договоры (включая договоры о правах человека) не являются «самоисполнимыми», – то есть, для включения их в состав местного законодательства необходимо соответствующее решение Конгресса. Однако даже в тех случаях, когда договоры не включаются в состав законодательства стран с дуалистической системой, суды склонны рассматривать их в качестве руководства по решающим делам.

В связи с этим весьма трудно в общем судить о том, насколько местные суды будут готовы принять аргументацию, основанную на стандартах международного права. Практикующие юристы должны будут выяснять этот вопрос самостоятельно для своей страны.

Существует, однако, общая проблема, которая потенциально может затрагивать различные правовые системы. Она состоит в том, что судьи могут не знать об обязательствах их государства по различным договорам, им может быть неизвестно содержание таких договоров или то,

как эти договоры следует толковать и применять. А указывать судьям на необходимость применения права международных договоров – это вряд ли хорошая стратегия ведения дела в суде. Более разумным в большинстве случаев было бы сослаться на международные правовые нормы как на *средство толкования национального законодательства*.

В отношении Европейской конвенции по правам человека наблюдается несколько иная ситуация.

Согласно Протоколу 11 к Конвенции, Европейский суд по правам человека имеет юрисдикцию, обязательную для государств-участников Конвенции. Это означает, что лицо, которое не может воспользоваться средством правовой защиты в связи с нарушением его прав, гарантируемых Конвенцией, может обратиться в Суд.

Решения ЕСПЧ обязательны только для того государства, к которому они относятся. Однако решения и аргументация Суда могут быть убедительны и при рассмотрении аналогичных дел в рамках других национальных судебных систем. В некоторых государствах (например, в Испании и Бельгии) суды в соответствующих случаях обязаны следовать толкованию, предложенному ЕСПЧ, если это не сокращает объём соответствующего права.

Прецедентное право ЕСПЧ в отношении диффамации, оскорбления, права на частную жизнь и других аналогичных вопросов исключительно обширно, и на нём базируется большинство материалов настоящего пособия. Суды могут беспрепятственно игнорировать решения ЕСПЧ, однако можно привести ряд весомых аргументов в пользу того, чтобы рассматривать эти решения как убедительные и авторитетные толкования обязательств государства согласно ст. 10.⁸⁰

---

⁸⁰ Данное пособие в значительной мере основывается на практике ЕСПЧ, поскольку это наиболее прогрессивный правовой механизм в Европе по вопросу свободы выражения мнений, а также поскольку аргументация ЕСПЧ может быть убедительной для национальных судов.

Тем не менее, практика ЕСПЧ имеет свои слабые места. Так, можно утверждать, что Суд:

- не проявляет достаточной твёрдости в вопросе осуждения уголовного преследования по делам о диффамации;
- преувеличивает роль «права на репутацию», которое не предусмотрено Европейской конвенцией по правам человека;
- не отделяет понятия «защита репутации» от других оснований для ограничения свободного выражения мнений, к которым относятся в том числе защита общественного порядка и права на частную жизнь.

Прецедентное право других юрисдикций

В настоящем пособии мы иногда упоминаем известные дела, рассмотренные национальными судами. Разумеется, решение национального суда одной страны не является обязательным для судов другой, даже если в этих странах аналогичное законодательство и аналогичным образом устроена правовая система, и даже если, как в случае стран с системой общего права, суды действуют на основе доктрины прецедента.

Важность обращения к судебным прецедентам из других стран состоит в том, что они позволяют ознакомиться с наиболее передовыми решениями и наиболее убедительной аргументацией по делам, связанным со свободой выражения мнений. Если данная аргументация используется при рассмотрении дел в национальных судах, следует соблюдать осторожность и дипломатичность, чтобы не вызвать предубеждения у судей. Важно также, чтобы судьи, рассматривающие дела о диффамации, располагали знаниями о прецедентном праве других стран.

6. КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ПОСОБИЕМ

Во введении мы обозначили три цели, которые преследует настоящее пособие:

- справочный материал, адресованный участникам для подготовки к обучающему семинару по диффамации;
- справочное руководство, адресованное участникам (как правило, юристам), которые готовятся к судебному процессу;
- справочный материал, адресованный обучающим, которые готовят семинар по диффамации.

Представляется, что первые две цели не требуют объяснения.

Для обучающихся, которые предполагают использовать настоящее пособие в качестве учебно-методического, в наличии есть дополнительные материалы, а именно планы проведения каждой сессии семинара, презентации Power Point, случаи из практики, а также учебный сценарий судебного разбирательства.

Настоящее пособие и обучающие материалы были первоначально подготовлены с целью проведения серии двухдневных семинаров для юристов и журналистов. Ниже приведён примерный план мероприятий семинара:

ОБУЧАЮЩИЙ СЕМИНАР ПО ДИФФАМАЦИИ. ПРИМЕРНЫЙ ПЛАН.

День 1 (юристы и журналисты)

Сессия 1: «Основополагающие принципы и исходные представления»
«Ограничения свободного выражения мнений»
(общая продолжительность: 90 минут)

Сессия 2: «Введение в законодательство о диффамации» (60 минут)

Сессия 3: «Диффамация в законодательстве различных стран»
(и связанные с этим вопросы) (90 минут)

Сессия 4: Анализ сценариев дел о диффамации (90 минут)

День 2 (только юристы)

Сессия 5: Прецедентное право ЕСПЧ в области диффамации (90 минут)

Сессия 6: Рассмотрение дел о диффамации в суде (90 минут)

Сессия 7: Рассмотрение учебного сценария гипотетического /
вымышленного дела о диффамации.

Заключительная дискуссия: выводы по итогам рассмотрения сценария, различия национального законодательства и норм, предусмотренных Европейской конвенцией по правам человека.

Если семинар проводится только для юристов, данная программа может быть сокращена, поскольку сессии 5 и 6 сходны по тематике с сессиями 2 и 4 (однако освещают юридические вопросы более подробно). Возможно даже провести однодневный семинар, если отказаться от дискуссии об основополагающих принципах и источниках свободного выражения мнений и совместить сессии 2 и 4 с сессиями 5 и 6, сократив при этом продолжительность рассмотрения учебного сценария судебного разбирательства.

Методика обучения взрослых слушателей

У юристов, в отличие от большинства других людей, в большей степени выработана привычка много читать с целью углубления понимания своей предметной области и познаний в ней. Это профессиональное требование, которое предъявляется к ним постоянно. Тем не менее, на них в полной мере распространяется общий принцип методики обучения взрослых слушателей, который гласит, что обучаемые с гораздо большей долей вероятности смогут усвоить знания и постичь предмет, если учебные задания будут включать в себя активные обсуждения и выполнение практических задач, а не просто чтение учебных материалов или восприятие их на слух.

Настоящее пособие и сопроводительные учебные планы предусматривают такие формы работы, как «обмен идеями» и «вопросы для обсуждения». Это возможность вовлечь участников семинара в дискуссию. Под «обменом идеями» подразумевается непродолжительная дискуссия без подведения итогов, обычно в начале рассмотрения какой-либо темы. «Вопросы для обсуждения» подразумевают более основательную и взвешенную дискуссию. Разумеется, опытный обучающий может счесть необходимым проведение дискуссий и на многие другие темы.

Особенно важная роль в учебном процессе принадлежит практическим примерам (сессия 4) и учебному сценарию (сессия 7). Они нацелены на закрепление рассмотренного теоретического материала

и предлагают участникам семинара проанализировать различные сценарии с разных точек зрения. Вероятно, будет полезным варьировать ключевые аспекты данных сценариев в ходе дискуссии (учитывая, что все они являются вымышленными), чтобы обратить внимание участников на особо важные моменты.

Международный институт прессы: более 65 лет на страже свободы прессы

Международный институт прессы (International Press Institute, IPI), старейшая организация в сфере защиты свободы печати на мировом уровне, – это всемирная сеть редакторов, руководителей медийных организаций и компаний и ведущих журналистов, целью которой является сохранение свободы прессы, содействие её защите и свободному распространению новостных сообщений и информации, а также совершенствование практики в области журналистики. Международный институт прессы базируется в Вене, является политически нейтральной организацией и имеет консультативный статус при нескольких межгосударственных органах.

Международный институт прессы

Spiegelgasse 2/29
1010 Vienna, Austria (Вена, Австрия)
www.ipi.media
+43 1 512 90 11

Media Legal Defence Initiative (MLDI)

неправительственная организация, которая помогает журналистам, блогерам и независимым СМИ во всём мире защищать свои права.

Мы оказываем помощь журналистам, работающим в печатных СМИ, телерадиовещании и сетевых изданиях. Для нас важно, чтобы защиту журналистов осуществляли квалифицированные юристы. При необходимости мы берем на себя юридические расходы и сотрудничаем с юристами, чтобы обеспечить наилучшую юридическую помощь. Наши партнёры – это отдельные юристы из разных стран мира, а также национальные организации, оказывающие правовую поддержку журналистам. Нашей задачей в долгосрочной перспективе является укрепление потенциала по оказанию юридической помощи журналистам во всём мире путём поддержки инициатив, направленных на расширение правовых знаний, развитие навыков и повышение эффективности тех, кто работает в сфере защиты журналистов.

MLDI

The Foundry
17 - 19 Oval Way
London
SE11 5RR
United Kingdom
www.mediadefence.org
+44 (0) 203 752 5550
[info\[at\]mediadefence.org](mailto:info[at]mediadefence.org)

